

АЛЕКСАНДР ДЮМА
КАРЛ ЛЮДВИГ ЗАНД

Александр Дюма
Карл Людвиг Занд
Серия «История
знаменитых преступлений»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178299
История знаменитых преступлений: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-25149-0*

Аннотация

«Знаменитые преступления» Александра Дюма-отца, быть может, известны менее его романов, однако не менее значимы в его творчестве. Это собрание интригующих историй о знаменитых преступниках и преступлениях в европейской истории – от эпохи Возрождения до XIX столетия, от Англии до России – представляет читателю живописную и устрашающую картину яростных страстей и ярких событий.

Вся человеческая мудрость заключается в двух словах: ждать и надеяться.

Содержание

Александр Дюма Карл Людвиг Занд (1819)

22 марта 1819 года около девяти утра молодой человек лет примерно двадцати трех – двадцати четырех, одетый, как одеваются немецкие студенты, то есть в короткий сюртук с шелковыми бранденбурами, панталоны в обтяжку и невысокие сапоги, остановился на небольшом холме, который находится в трех четвертях пути из Кайзерталя в Мангейм и с вершины которого открывается вид на этот город, спокойно и безмятежно лежащий среди садов, бывших некогда крепостными валами, а ныне опоясывающих его подобно зеленому, цветущему кольцу. Поднявшись туда, молодой человек снял картуз, на козырьке которого переплетались три вышитых серебром дубовых листа, и подставил обнаженную голову порывам свежего ветерка, долетающего из долины реки Неккар. На первый взгляд его неправильные черты производили странное впечатление, однако стоило присмотреться к его бледному, изрытому оспинами лицу в обрамлении длинных черных кудрей, открывающих большой выпуклый лоб, увидеть поразительную мягкость его глаз, как наблюдатель вскоре начинал испытывать к нему необъяснимую грустную симпатию, какой поддаешься неосознанно, даже не думая ей

противиться. Хотя час был еще ранний, молодой человек, похоже, проделал уже долгий путь, так как сапоги его покрывала дорожная пыль, но, видимо, он был уже близок к цели, потому что, отбросив картуз и сунув за пояс длинную трубку, неразлучную подругу немецких буршей, он вытащил из кармана маленькую записную книжицу и карандашом вписал в нее:

«Вышел из Ванхайма в пять утра и в девять с четвертью нахожусь в виду Мангейма. Да поможет мне Бог!»

Затем он сунул книжку в карман и несколько секунд стоял неподвижно, шевеля губами, словно мысленно творя молитву, после чего надел картуз и твердым шагом направился к Мангейму.

Этот молодой студент был Карл Людвиг Занд, который пришел из Йены через Франкфурт и Дармштадт, чтобы убить Коцебу.

Но теперь, прежде чем представить нашим читателям одно из тех чудовищных деяний, для оценки которого не существует иного судьи, кроме совести, необходимо, чтобы они позволили нам как можно полнее познакомить их с тем, кого монархи считают убийцей, судьи – фанатиком, а молодежь Германии – мучеником.

Карл Людвиг Занд родился 5 октября 1795 года в Вонзиделе, расположенном среди гор Фихтельгебирге; он был младшим сыном Готфрида Кристофа Занда, первого председателя и советника прусского королевского суда, и его супру-

ги Доротеи Иоганны Вильгельмины Шапф. Кроме двух старших братьев – Георга, занимавшегося коммерцией в Санкт-Галлене, и Фрица, адвоката в апелляционном суде в Берлине, – у Карла были еще две сестры – старшая, которую звали Каролина, и младшая по имени Юлия.

Еще в колыбели он перенес оспу, причем в самой тяжелой форме. Вирус, распространившийся по всему телу, покрыл его язвами, голова являла собой сплошной струп. Несколько месяцев ребенок находился между жизнью и смертью, но наконец жизнь восторжествовала.

Тем не менее он оставался слабым и болезненным до седьмого года, когда у него случилась мозговая горячка и жизнь его вновь оказалась в опасности. Зато горячка эта, закончившись, унесла с собой все последствия первой болезни.

С этого времени его здоровье и силы, похоже, начали укрепляться, однако из-за двух длительных болезней он весьма задержался в учении и смог пойти в школу только в восемь лет; к тому же, поскольку из-за физических страданий мальчик несколько отстал в развитии умственных способностей, ему поначалу пришлось прикладывать вдвое больше усердия, нежели сверстникам, чтобы достичь одинаковых с ними результатов.

Видя, какие усилия прилагает маленький Занд, чтобы преодолеть изъяны своего организма, директор Хофской гимназии Зельфранк, человек большой учености и благородства, проникся к мальчику такой приязнью, что, когда его

впоследствии назначили директором гимназии в Регенсбург, не смог расстаться со своим учеником и взял его с собой. Именно в этом городе Карл Занд в одиннадцатилетнем возрасте явил первое доказательство присущих ему мужества и человечности. Однажды, будучи на прогулке с друзьями, он услышал призыв о помощи: мальчик лет восьми-девяти упал в пруд. Тотчас же Занд, не думая о своем праздничном костюмчике, за которым всегда весьма старательно следил, бросился к пруду и, приложив неслыханные для ребенка его возраста усилия, сумел вытащить утопающего на берег.

Лет в тринадцать Занд, который стал проворней, ловчей и отважней многих своих товарищей постарше, любил участвовать в сражениях между мальчишками из города и окрестных деревень. Театром этих ребяческих войн, бледным и невинным отражением жестоких битв, заливавших в ту эпоху Германию кровью, обыкновенно служила равнина, расположенная между городом Вонзиделем и горой Санкт-Катарина, вершину которой увенчивали руины и среди них прекрасно сохранившаяся башня. Занд, ставший одним из самых пылких воителей, видя, что войско его много раз бывало побеждено из-за малочисленности, решил во избежание очередного поражения укрепить башню на горе Санкт-Катарина и укрыться в ней при ближайшем сражении, ежели судьба опять отвернется от них. Он посвятил товарищей в свой план, и тот был с восторгом принят. В течение целой недели в башню стаскивали всевозможные средства для обо-

роны, укрепляли двери и лестницы. Приготовления эти велись в столь глубокой тайне, что вражеской армии не удалось пронюхать о них.

Наступило воскресенье, а именно в праздничные дни происходили сражения. Но то ли из-за стыда за прошлое поражение, то ли по какой другой причине войско, к которому принадлежал Занд, оказалось еще малочисленней, чем обыкновенно. Тем не менее, зная, что есть куда отступить, Занд решил принять битву. Она была не очень продолжительной: одна из армий слишком уступала в численности другой и не могла долго сопротивляться, поэтому она, стараясь сохранять порядок, начала отступление к башне Санкт-Катарины, куда и прибыла без особых потерь. Добравшись туда, часть мальчишек тотчас же поднялась на балконы и, пока остальные внизу защищали стены, принялась осыпать преследователей галькой и камнями. Те же, пораженные новым, впервые использованным способом защиты, отступили на несколько шагов; воспользовавшись этим, остаток отряда вошел в крепость и закрыл двери.

Изумление осаждающих трудно передать: никто никогда не пользовался этими дверями, и вдруг они становятся непреодолимым препятствием, укрывающим осажденных. Несколько человек побежали искать инструменты, которыми можно было бы разбить двери, а оставшаяся часть вражеской армии взяла гарнизон в осаду.

Через полчаса посланцы вернулись не только с кирками и

ломами, но и со значительным подкреплением, состоявшим из ребят той деревни, куда они бегали за осадным инструментом. Начался приступ. Занд и его товарищи отчаянно защищались, но скоро стало ясно, что, ежели не придет подмога, гарнизону придется капитулировать. Было предложено бросить жребий, чтобы один из осажденных, пренебрегая опасностью, вышел из крепости, прорвался сквозь вражеские порядки и бросил клич вонзидельским мальчишкам, которые трусливо сидят по домам. Рассказ об опасности, какой подверглись их друзья, позор капитуляции, что падет и на них, вне всяких сомнений, пробудят их от лени и заставят совершить вылазку, которая позволит гарнизону выйти из крепости. Предложение было принято, однако, не желая полагаться на случай, Занд вызвался добровольцем. Поскольку всем была известна его храбрость, ловкость и быстрота, предложение было принято единодушно, и новый Деций¹ приготовился принести себя в жертву.

Дело это, надо сказать, было небезопасное. Существовали лишь два способа выйти из башни: первый – через дверь, и там, разумеется, попасть в руки неприятелей; второй – спрыгнуть с балкона, слишком высокого, чтобы осаждающим пришло в голову караулить под ним. Не раздумывая ни секунды, Карл прошел на балкон; там он, поскольку с ма-

¹ *Публий Деций Мус* – римский консул, в 340 г. до н. э. одержавший победу над латинами. В соответствии с легендой он за победу пожертвовал свою жизнь подземным богам.

лых лет был весьма религиозен, сотворил короткую молитву и затем без страха и колебаний прямо-таки с провиденциальной уверенностью спрыгнул на землю, а высота там была двадцать два фута.

Занд тотчас же устремился к Вонзиделю и достиг его, хотя враги послали вдогонку за ним лучших своих бегунов. К осажденным же, когда они увидели, что его предприятие увенчалось успехом, возвратилось мужество, и они объединили свои усилия против осаждающих в надежде на красноречие Занда, которому оно давало огромную власть над товарищами. И действительно, не прошло и получаса, как они увидели его возвращающимся во главе трех десятков мальчишек, вооруженных пращами и арбалетами. Осаждающие, оказавшись под угрозой нападения как с тыла, так и с фронта, поняли всю невыгодность своего положения и ретировались. Победа досталась армии Занда, и в этот день он был триумфатором.

Мы так подробно рассказали эту историю, чтобы наши читатели поняли по характеру ребенка, каким тот стал, когда превратился в мужчину. Впрочем, у нас еще будет возможность увидеть, как развивался этот спокойный и возвышенный характер среди как малых, так и великих событий.

В то же примерно время Занд, можно сказать, чудом дважды избежал смертельной опасности. Как-то творило, полное извести, упало со строительных лесов и разбилось у его ног. А еще однажды герцог Кобургский, который во время

пробытия короля Пруссии на тамошних водах жил у родителей Занда, въезжая на полном скаку в карете, запряженной четверней, во двор, увидел, что под аркой ворот стоит Карл; у мальчика не было возможности отскочить ни вправо, ни влево, не рискуя оказаться прижатым к стене и раздавленным колесами: кучер был не в состоянии удержать упряжку, но тут Занд упал ничком на землю, карета промчалась над ним, причем ни копыта коней, ни колеса даже не задели его; он встал без единой царапины.

С той поры многие смотрели на Занда как на избранника Божия, говорили, что его хранит Бог.

А тем временем происходили серьезнейшие политические события, под влиянием которых мальчик прежде времени превратился в юношу. Наполеон навис над Германией, подобно новому Сennaхерибу². Штапс³ пожелал сыграть роль Муция Сцеволы⁴ и умер мученической смертью.

Занд жил тогда в Хофе и учился в гимназии добрейшего Зальфранка. Узнав, что тот, кого он считал антихристом,

² *Сennaхериб* (785–681 до н. э.) – ассирийский царь, упоминаемый в Библии (Царств, 2 и 4), совершал походы в Иудею, осаждал Иерусалим, но вынужден был отступить.

³ *Штапс, Фридрих* (1792–1809) – немецкий торговец, покушался в Вене на убийство Наполеона, от помилования отказался, предупредив, что в этом случае повторит свою попытку. Расстрелян.

⁴ *Муций Сцевола* – легендарный римский герой. Схваченный после неудачного покушения на этрусского царя Порсену, он, доказывая свое мужество, положил левую руку в огонь, после чего пораженный Порсена отпустил его и снял осаду Рима.

должен приехать в этот город, он тотчас же покинул его и вернулся к родителям. Когда те спросили его, почему он бросил гимназию, Карл ответил:

– Потому что я не смог бы жить в одном городе с Наполеоном и не попытаться убить его, но я чувствую, что рука у меня еще недостаточно тверда для этого.

Происходило это в 1809 году, Занду было четырнадцать лет.

Мир, подписанный 15 октября, дал Германии небольшую передышку и позволил юному фанатику продолжить учение, не отвлекаясь на политические тревоги; они снова захватят его в 1811 году, когда он узнает, что гимназия ликвидирована и заменена начальной школой. Директор Зальфранк назначен в эту школу учителем, но вместо тысячи флоринов, которые он получал на старом месте, в новой должности ему положили всего лишь пятьсот. Карл не мог оставаться в начальной школе, где у него просто не было возможности продолжать образование, и он написал матери письмо, сообщив об этом событии и о том, с каким душевным спокойствием старый немецкий философ принял перемену своей судьбы. Вот ответ матушки Занда; его вполне достаточно, чтобы узнать эту женщину, чье большое сердце всегда было искренним даже среди самых жестоких страданий; письмо это отмечено печатью немецкого мистицизма, о котором мы во Франции не имеем ни малейшего представления.

«Мой дорогой Карл!

Ты не мог сообщить мне более горестную весть, нежели эта, о событии, которое обрушилось на твоего учителя и приемного отца, и все же, как бы ужасно оно ни было, он примирится с ним, дабы дать добродетели своих воспитанников великий пример покорности, какую всякий подданный должен выказывать королю, которого над ним поставил Бог. Впрочем, можешь быть уверен, что в целом свете нет более верного и разумного поведения, нежели то, что исходит из древней заповеди: «Чти Бога, будь праведен и никого не бойся».

И помни также: если творится вопиющая несправедливость по отношению к честным людям, раздается голос общества и возносит тех, кто унижен.

Но ежели вопреки всякой вероятности этого не произойдет, ежели Господь ниспошлет добродетели нашего друга это наивысшее испытание, ежели Провидение окажется до такой степени у него в долгу, верь мне, оно и в этом случае с лихвой возместит свой долг: события и происшествия, что происходят вокруг нас и с нами, всего лишь механизм, который приводит в движение верховная десница, дабы пополнить наше воспитание для вступления в лучший мир, и только там мы обретем наше истинное место. Постарайся же, дорогое мое дитя, неизменно и непрерывно следить за собой, дабы не принимать отдельные красивые и возвышенные жесты за подлинную добродетель, и всякий миг будь готов исполнить то, чего требует от тебя долг. Поверь мне, в сущности, когда рассматриваешь явления изолированно, нет ни великого,

ни малого, и лишь их совокупность дает нам единство добра либо зла.

Впрочем, Господь ниспосылает испытания только сердцам, которым он даровал силу, и твое описание того, как твой учитель воспринял постигшую его беду, является еще одним подтверждением этой великой и вечной истины. Дорогой мой мальчик, бери с него пример, и если тебе нужно покинуть Хоф и переехать в Бамберг, спокойно и мужественно смирись с этой необходимостью; человек получает три разных рода воспитания: то, которое ему дают родители, второе – налагаемое обстоятельствами и, наконец, то, где он сам является собственным воспитателем; раз уж случилось такое несчастье, моли Бога, дабы он помог тебе достойно довершить воспитание третьего рода, самое важное из всех.

В качестве примера я приведу тебе жизнь и поведение моего отца, о котором ты почти ничего не слышал, так как он скончался еще до твоего рождения, но чей дух и облик возродился, если взять всех твоих братьев и сестер, в тебе одном. Злосчастный пожар, обративший его родной город в пепел, уничтожил как родительское, так и его собственное состояние; его отец, видя, что все утратил, поскольку огонь, как было установлено, начался в соседнем доме, скончался от горя, а мать, уже в течение шести лет прикованная к одру болезни по причине чудовищных конвульсий, в перерывах между приступами недуга содержала трудом своих рук трех малолетних дочерей, и тогда твой дед нанялся простым при-

казчиком в один из самых крупных торговых домов Аугсбурга, где его живой и в то же время ровный характер всем пришелся по сердцу; он поступил на должность, для которой не был рожден, и возвратился в родной дом с чистым и незапятнанным сердцем, чтобы стать опорой матери и сестрам.

Человек многое может, когда жаждет многое совершить; присоедини же свои усилия к моим молитвам, а остальное доверь Богу».

Предсказание пуританки сбылось: некоторое время спустя директор Зальфранк был назначен учителем в Райхенбург, куда за ним последовал Занд; именно там его настигли события 1813 года. В конце марта он пишет матери:

«Я даже не смогу Вам описать, дражайшая матушка, до какой степени я исполнен спокойствия и счастья с той поры, как мне дозволено уверовать в освобождение отчизны, каковое, как я слышу со всех сторон, должно скоро произойти, отчизны, которую, в своем уповании на Господа, я уже заранее вижу вольной и могучей и ради счастья которой я готов на любые муки и даже на смерть. Наберитесь сил, чтобы вынести это потрясение. Если по случайности оно затронет и нашу провинцию, возведите глаза к всемогущему Богу, а затем опустите их и посмотрите на прекрасную и изобильную природу. Всемилоливый Бог, спасавший и сохранивший стольких людей во время гибельной Тридцатилетней войны, сумеет и пожелает

и сегодня сделать то, что сумел и пожелал сделать тогда. Ну а я верю и надеюсь».

Лейпцигская битва подтвердила предчувствия Занда; следом пришел 1814 год, и он окончательно поверил, что Германия свободна.

10 декабря 1814 года он покинул Райхенбург со следующим свидетельством своих учителей:

*«Карл Занд принадлежит к тем немногочисленным избранным юношам, которые выделяются одновременно и умственными способностями, и душевными качествами; в прилежании и усердии он превосходит всех своих соучеников, чем объясняются его быстрые успехи во всех философских и филологических науках; единственно ему необходимо еще пополнить знания в математике. Самые сердечные пожелания учителей сопутствуют ему при выпуске. Райхенбург, 15 сентября 1814 года.
Й. А. Каин, директор и наставник первого ⁵класса».*

Но подготовили эту плодородную почву, в которую учителя посеяли семена знаний, конечно, родители, главным же образом мать, и Занд это прекрасно понимал, так как написал ей при отъезде в Тюбинген в университет, где собирался изучать теологию, необходимую для получения должности пастора, поскольку выбрал для себя это поприще:

«Признаюсь, что обязан Вам так же, как мои

⁵ На Западе отсчет классов идет в порядке, обратном нашему.

братья и сестры, той наилучшей и большей частью моего воспитания, которой, как я заметил, недостает многим из окружающих меня людей. Только небо одно способно вознаградить Вас за это сознанием, что Вы столь благородным и высоким образом и в этом исполнили свой родительский долг».

Навестив брата в Санкт-Галлене, Занд приехал в Тюбинген, куда его влекла, главным образом, слава Эшенмайера⁶; эту зиму он прожил спокойно и без особых событий, если не считать приема в корпорацию буршей, именуемую «Тевтония», но вот подошла Пасха 1815 года и с нею вместе страшная весть, что Наполеон высадился в бухте Жюан. Тотчас же вся немецкая молодежь, способная носить оружие, объединилась под знаменами 1813 и 1814 года; Занд последовал общему примеру, но только если у других подобный поступок был следствием порыва, то у него – результатом спокойного и обдуманного решения.

Вот что он писал в Вонзидель по этому поводу:

«Дорогие мои родители, до сих пор я слушался Ваших отеческих наставлений и советов моих превосходных профессоров, до сих пор я старался быть достойным воспитания, которое Господь ниспослал мне через Вас, и усердно учился, дабы обрести возможность распространять на своей родине слово Божие; вот почему сегодня я откровенно уведомляю Вас о

⁶ Эшенмайер, Адам Карл Август (1768–1852) – профессор медицины в Тюбингенском университете.

принятом мною решении, уверенный, что, как нежные и любящие родители, Вы примете его спокойно, а как немецкие родители и патриоты, даже одобрите это мое решение и не станете пытаться отговорить меня от него.

Отчизна вновь зовет на помощь, и на сей раз этот призыв обращен и ко мне, ибо теперь у меня достаточно и отваги, и сил. Поверьте, мне пришлось выдержать большую внутреннюю борьбу, чтобы в 1813 году, когда раздался первый ее клич, не отозваться на него, и удержала меня только уверенность, что тысячи других юношей сражаются и побеждают ради счастья Германии, а мне еще нужно расти, дабы вступить на мирное поприще, к которому я предназначен. Теперь же нужно сохранить обретенную свободу, которая во многих местах уже принесла столь обильные плоды. Всемогущий и милосердный Господь послал нам это великое и, убежден, последнее испытание, и мы должны подняться, если мы достойны величайшего его дара и способны силой и твердостью сохранить его.

Никогда отчизне не грозила столь огромная опасность, как сейчас, и потому среди германской молодежи сильные должны поддерживать колеблющихся, дабы подняться всем вместе. Наши отважные братья на Севере уже собираются со всех сторон под свои знамена; Вюртембергский ландтаг объявил всеобщее ополчение, и отовсюду стекаются добровольцы, жаждущие лишь одного – умереть

за родину. Мой долг таков же – сражаться за свою страну и за всех, кого я люблю. Не будь я глубочайше убежден в этой истине, я не стал бы сообщать Вам о своем решении, но ведь у моих родных истинно германские сердца, и они сочли бы меня трусом, недостойным сыном, если бы я не последовал этому порыву. Разумеется, я представляю огромность жертвы, которую приношу; поверьте, мне стоит большого труда бросить занятия и пойти под командование неотесанных и необразованных людей, но эта жертва только укрепляет мое мужество и решимость обеспечить свободу своих братьев; как только эта свобода упрочится, если будет на то соизволение Бога, я вернусь, дабы нести им его слово.

Итак, я на некоторое время расстаюсь с Вами, мои почтенные родители, мои братья и сестры, все, кто мне так дорог. По зрелом размышлении я решил, что всего лучше мне было бы служить с баварцами, и потому добился, чтобы на все время, пока будет длиться война, меня взяли в роту баварских стрелков. Прощайте же, будьте счастливы; как бы далеко Вы ни были от меня, я буду следовать Вашим благочестивым наставлениям. На этом новом пути я надеюсь остаться чист перед Богом и идти той тропой, что возвышается над делами земными и ведет к небесам; быть может, и на этом поприсе во мне сохранится высокое стремление спасти души от гибели.

Со мной везде и всегда будет Ваш бесценный образ;

езде и всегда я хочу иметь Бога перед очами и в сердце, дабы с радостью вынести страдания и невзгоды этой священной войны. Поминайте меня в своих молитвах; пусть Господь ниспошлет Вам надежду на лучшее будущее, дабы помочь пережить нынешние скверные времена. Мы вскоре свидимся, если победа будет за нами, а если же потерпим поражение (да сохранит нас от этого Господь!), то моя последняя воля – и я умоляю, заклинаю Вас, мои дорогие и достойные немецкие родители, исполнить эту мою последнюю, предсмертную волю, – чтобы Вы оставили эту порабощенную страну ради любой другой, не попавшей пока еще под иго.

Но зачем печалить друг другу сердца? Разве наше дело не правое и не святое и разве Бог не праведен и не свят? Так неужели же мы не победим? Как видите, иногда у меня тоже случаются сомнения, поэтому в своих письмах, которых я с нетерпением жду, имейте жалость ко мне и не селите в мою душу страхов, ведь в любом случае мы навсегда обретем друг друга в иной отчизне, и она будет свободной и счастливой.

*Остаюсь до смерти Вашим почтительным и признательным сыном
Карл Занд».*

В постскрипуме были два стиха Кернера⁷:

⁷ Кернер, Теодор (1791–1813) – немецкий поэт, участвовавший как партизан в освободительной войне против Наполеона, погиб в сражении.

Быть может, мы узрим над труппами врагов
Взошедшую звезду свободы.

Попрощавшись таким образом с родителями, Занд со стихами Кернера на устах оставил свои книги, и 10 мая мы уже видим его с оружием в руках среди стрелков-добровольцев, собранных под командованием майора Фалькенхаузена, который в ту пору оказался в Мангейме; там Занд встретил своего второго брата, опередившего его, и они вместе обучаются солдатскому ремеслу.

Хотя Занд не был привычен к большим физическим тяготам, он прекрасно перенес все трудности похода, отказываясь от любых поблажек, которые пробовали предоставить ему командиры; он не хотел, чтобы кто-то превзошел его в трудах, предпринятых им ради блага родной страны. На всем пути он братски делился тем, что у него было, с товарищами, помогал более слабым, беря у них ранцы, и, будучи к тому же проповедником, поддерживал их словом, когда ничего другого сделать не мог.

18 июня в восемь утра он был на поле Ватерлоо. 14 июля вошел в Париж.

18 декабря 1815 года Карл Занд и его брат возвратились в Вонзидель, к великой радости всей семьи. Он провел в родительском доме рождественские и новогодние праздники, но пламенная тяга к своему призванию не позволила ему долго там оставаться, и 7 января он прибывает в Эрланген.

Именно тогда, желая наверстать потерянное время, он решает подчинить свою жизнь жестокому единообразному порядку и записывать каждый вечер все, что делал с утра. Благодаря этому дневнику мы сможем проследить не только все поступки юного энтузиаста, но и все его мысли и духовные искания. В нем Занд простодушен до наивности, экзальтирован до помешательства, добр к другим до слабости, суров к себе до аскетизма. Его безмерно удручают расходы, которые родители вынуждены нести ради его образования, и всякие бесполезные и дорогостоящие удовольствия оставляют в его сердце глубокие угрызения.

Так, 9 февраля 1816 года он записывает:

«Я рассчитывал сегодня навестить родителей. Поэтому зашел в торговый дом и там весьма приятно провел время. Н. и Т. завели, как всегда, свои бесконечные шуточки насчет Вонзиделя, так продолжалось до одиннадцати. Но затем Н. и Т. стали меня терзать, зазывая в кафе⁸, я отказывался до последней возможности. Так как всем своим видом они давали понять, будто считают, что я из пренебрежения к ним не желаю пойти выпить по стаканчику рейнского, я более не посмел отказываться. К несчастью, они не

⁸ Во французском языке нет слова, чтобы правильно передать немецкое Weinhaus. Это заведение – нечто среднее между трактиром и кабачком, где студенты собираются по вечерам, чтобы курить и пить пиво и рейнские вина. (Примеч. автора.)

ограничились брауэнбергером, и хотя мой стакан еще не опорожнился и до половины, Н. велел принести бутылку шампанского. Когда она опустела, Т. заказал вторую, а когда и вторая была выпита, оба они потребовали третью за мой счет, хоть я и был против. Домой я вернулся совершенно одурманенный, рухнул на софу и с час проспал на ней, прежде чем лег в постель.

Так прошел этот постыдный день, в который я так мало думал о моих добрых, почтенных родителях, живущих бедной и трудной жизнью, день, когда я по примеру тех, у кого есть деньги, позволил вовлечь себя в бессмысленную трату четырех флоринов, а ведь на них вся наша семья могла бы жить целых два дня. Прости меня, Господи, умоляю, прости меня и прими мою клятву, что никогда больше я не впаду в подобный грех. Отныне я намерен жить еще воздержанней, чем привык, дабы восполнить в своем скудном кошельке досадные следы роскошества и не оказаться вынужденным просить у матушки денег прежде того дня, когда она сама решит прислать мне их».

Примерно в то же время, когда бедный юноша корит себя, словно за страшное преступление, за трату четырех флоринов, умирает одна из его кузин, перед тем успевшая овдоветь, оставив сиротами троих детей. Занд тотчас же спешит утешить бедных малюток, умоляет мать взять на попечение самого младшего и, обрадованный ответом, так благодарит ее:

«За ту огромную радость, какую Вы доставили мне своим письмом, за любящий голос Вашего сердца, который в нем я услышал, будьте благословенны, матушка! Как я должен был надеяться и в чем имел даже твердую уверенность, Вы взяли маленького Юлиуса, и это вновь преисполняет меня глубочайшей признательностью к Вам и тем сильнее, что в своей всегдашней уверенности в Вашей доброте я дал нашей добрейшей кухне, еще когда она была жива, обещание, что Вы после ее смерти рассчитаетесь с нею за меня».

В начале марта Занд не то чтобы заболел, но почувствовал недомогание, которое заставило его поехать принимать воды; его мать в это время находилась на железоделательном заводе в Редвице, расположенном в трех-четыре-х лье от Вонзиделя, где как раз и находились воды. Занд поселился на заводе у матери, и хотя намеревался не прерывать трудов, ему приходилось тратить время на ванны, а кроме того, всевозможные приглашения, не говоря уже о прогулках, необходимых для поправки здоровья, нарушали размеренность жизни, к которой он привык, и порождали в нем угрызения совести. Вот что находим мы в его дневнике под датой 13 апреля:

«Жизнь без возвышенной цели, которой подчинены все мысли и поступки, пуста и ничтожна, доказательство тому сегодняшний мой день: я провел его с родными, и для меня это, без сомнения, огромное удовольствие. Но как я его провел? Я беспрерывно

ел, так что, когда вознамерился поработать, был уже ни к чему не способен. Исполненный вялости и безразличия, вечером я ходил по гостям и вернулся в том же расположении духа, в каком уходил».

Для верховых прогулок Занд брал рыжую лошадку, принадлежащую брату, и вот такое времяпровождение ему очень нравилось. Лошадка была куплена с огромным трудом, поскольку, как мы уже упоминали, семейство Зандов было небогато. Следующая запись, касающаяся этого животного, дает представление о простодушии Занда.

«19 апреля.

Сегодня я был счастлив на заводе и весьма трудолюбив рядом с матушкой. Вечером вернулся на лошадке домой. С позавчерашнего дня, когда она сделала неловкий прыжок и поранила себе ногу, она стала весьма строптивой и раздражительной, а по приезде отказалась есть. Сперва я подумал, что ей не нравится еда, и дал ей несколько кусочков сахара и несколько палочек корицы, которые она страшно любит; она попробовала их, но есть не стала. Кажется, бедное животное, кроме раны на ноге, страдает от какого-то внутреннего заболевания. Ежели, к несчастью, она охромеет или заболеет, все, включая и родственников, сочтут, что это моя вина, хотя я старательно и заботливо ухаживал за ней. Господи, великий Боже, ты, который можешь все, отведи от меня эту беду и сделай так, чтобы она как можно скорей выздоровела. Но если ты решил иначе,

если на меня должно обрушиться это новое несчастье, я постараюсь мужественно перенести его, приняв как искупление за какой-то грех. Впрочем, Господи, я и тут вручаю себя тебе, как вручаю свою душу и жизнь».

20 апреля он записывает:

«Лошадка чувствует себя хорошо, Бог помог мне».

Немецкие нравы так отличны от наших, и противоположности в одном и том же человеке по ту сторону Рейна сходятся настолько часто, что нам просто необходимы цитаты, которые мы тут приводим, чтобы дать нашим читателям верное представление об этом характере, смеси наивности и рассудительности, детскости и силы, унылости и энтузиазма, материальных мелочей и поэтических мыслей, который делает Занда непостижимым для нас. Но продолжим его портрет, поскольку на нем еще не хватает последних мазков.

По возвращении в Эрланген после полного выздоровления Занд впервые прочел «Фауста»; поначалу это произведение поразило его, и он счел было его проявлением извращенности гения, однако, дочитав до конца и вернувшись к первому впечатлению, он записывает:

«4 мая.

О, жестокая борьба человека и дьявола! Только сейчас я ощущаю, что Мефистофель живет и во мне, и ощущаю это с ужасом, Господи!

К одиннадцати вечера я закончил чтение этой трагедии и увидел, почувствовал дьявола в себе,

так что когда пробило полночь, я, плача, исполняясь отчаяния, сам себя испугался».

Постепенно Занд впадает в сильную меланхолию, вырвать из которой его может лишь желание усовершенствовать и сделать нравственной окружающих его студентов. Для всякого, кто знает университетскую жизнь, подобный труд покажется сверхчеловеческим. Однако Занд не падает духом и, если не может распространить свое влияние на всех, ему, по крайней мере, удастся сформировать вокруг себя большой кружок, состоящий из самых умных и самых лучших; однако среди этих апостольских трудов его охватывает непонятное желание умереть; кажется, что ему вспоминается небо и он испытывает потребность вернуться туда; он сам называет это стремление «ностальгией души».

Любимыми его авторами являются Лессинг, Шиллер, Гердер и Гете; в двадцатый раз перечитав двух последних, он записывает:

«Добро и зло соприкасаются: страдания юного Вертера и соращение Вайслингёна – это почти та же самая история; но неважно, мы не должны судить, что в других есть добро и что зло, ибо это сделает Господь. Я только что долго обдумывал эту мысль и остаюсь в убеждении, что ни при каких обстоятельствах нельзя позволить себе искать дьявола в ближнем и что у нас нет права кого-либо осуждать; единственное существо, по отношению к которому мы получили власть судить и выносить

приговор, – это мы сами; нам и с самими собой вполне хватает забот, трудов и огорчений.

И еще я сегодня ощутил глубокое желание вырваться из этого мира и вступить в мир высший, но желание это скорей от подавленности, чем от силы, скорей усталость, чем порыв».

1816 год для Занда проходит в благочестивых попечениях о своих товарищах, в постоянном исследовании самого себя и в непрекращающейся борьбе, которую он ведет с навязчивым желанием смерти; с каждым днем у него все больше сомнений в себе, и вот первого января 1817 года он записывает в дневнике такую молитву:

«Господи, наделивший меня, посылая на эту землю, свободой воли, даруй мне свою милость, дабы и в наступающем году я ни на миг не ослаблял это постоянное наблюдение за собой и постыдно не прекратил исследовать свою совесть, как я это и делал до сих пор. Дай мне сил, чтобы возрасло то внимание, с каким я обращаюсь к своей жизни, и уменьшалось то, какое я обращаю на жизнь других людей; укрепи мою волю, дабы она стала достаточно сильной, чтобы управлять плотскими желаниями и заблуждениями ума; дай мне благочестивую совесть, всецело преданную твоему царствию небесному, дабы я всегда принадлежал тебе, а ежели вдруг оступлюсь, чтобы вновь смог вернуться к тебе».

Занд имел все основания просить Бога, чтобы тот укрепил

пил его в наступающем 1817 году, так как небо Германии, озаренное Лейпцигом и Ватерлоо, вновь затягивали тучи: на смену безмерному и всеобъемлющему деспотизму Наполеона пришел гнет мелких князьков, составляющих германский сейм. Низвергнув великана, народ достиг единственно того, что попал под власть карликов.

Тогда-то и начали создаваться по всей Германии тайные общества. В нескольких словах мы расскажем о них, потому что история, которую мы пишем, есть история не только отдельных людей, но и народов, и всякий раз, когда у нас будет появляться возможность, мы станем представлять на нашем крохотном полотне широкую панораму.

Тайные общества Германии, о которых мы столько слышали, ничего о них не зная, прежде чем разлиться, подобно полноводным рекам, имели, по всей видимости, своим истоком своеобразные ответвления клубов иллюминатов и франкмасонов, которые обратили на себя всеобщее внимание в конце XVIII века. В эпоху революции восемьдесят девятого года все эти философские, политические и религиозные секты с энтузиазмом восприняли республиканскую пропаганду, и успехи наших первых генералов нередко приписывались тайным усилиям этих ответвлений.

Когда Бонапарт, который знал о них и, как поговаривают, даже был членом одного из таких обществ, сменил генеральский мундир на императорскую мантию, все эти секты, считавшие его отступником и предателем, не только объедини-

лись против него внутри страны, но и стали искать его врагов за границами ее, а поскольку они обращались к возвышенным и благородным страстям, то повсеместно находили отклик, и монархи, у которых была возможность воспользоваться плодами их деятельности, недолгое время поддерживали их. Между прочим, принц Людвиг Прусский⁹ был великим магистром одной из лож.

Покушение Штапса, о котором мы уже мельком упоминали, было одним из первых ударов грома этой грозы, но через день был подписан мир в Вене, и унижение Австрии завершило распад дряхлой Германской империи. Претерпевшие смертельный удар в 1806 году и преследуемые французской полицией, эти общества уже не могли организовываться публично и вынуждены были вербовать новых членов тайно.

В 1811 году в Берлине арестовали множество агентов этих обществ, но прусские власти по секретному приказу королевы Луизы покровительствовали им и, когда хотели, легко водили за нос французскую полицию.

После февраля 1813 года поражения французской армии возродили мужество тайных обществ: стало очевидно, что их делу помогает Бог; студенчество по большей части с энтузиазмом присоединилось к их новым стараниям; во множестве университетов студенты дружно и чуть ли не в полном составе поступали на военную службу, выбирая командирами

⁹ *Людвиг Фердинанд* (1772–1806) – племянник короля Фридриха II, прусский военачальник, участник войн против Франции.

своих ректоров и профессоров; героем этого движения стал поэт Кернер, погибший 18 октября в Лейпцигской битве.

Триумфом этого национального движения было двукратное вступление в Париж прусской армии, большую часть которой составляли добровольцы, но когда стали известны договоры 1815 года и новая германская конституция, они произвели в Германии ужасающее впечатление; все эти молодые люди, воодушевленные своими монархами, поднялись во имя свободы, но вскоре поняли, что оказались всего лишь орудием европейского деспотизма, который воспользовался ими, чтобы укрепиться; они захотели потребовать исполнения данных обещаний, но политика гг. Талейрана и Меттерниха угнетала их и, подавив, после первых же высказанных ими слов, вынудила скрыть свое недовольство и надежды в университетах, которые, пользуясь особым уставом, легче могли избежать внимания ищущих Священного союза; таким образом, при любых притеснениях, как бы ни велики они были, тайные общества все-таки продолжали существовать, сообщаясь между собой с помощью путешествующих студентов, которые, получив устное поручение, под предлогом сбора гербариев обходили всю Германию, рассеивая повсюду пламенные и вселяющие надежду слова, каким всегда так жадно внимают народы, но которые так ужасают королей.

Мы уже знаем, что Занд, охваченный общим порывом, волонтером проделал кампанию 1815 года, хотя ему было всего девятнадцать лет; по возвращении он, как и остальные,

был обманут в своих лучезарных надеждах, и именно в этот период мы видим, как в его дневнике возникают мотивы мистицизма и печали, что, несомненно, уже отметили наши читатели. Вскоре он вступает в одно из обществ, именуемое «Тевтония», и, обретя в религии величайшую опору, пытается сделать заговорщиков достойными предпринятой ими цели; его морализаторские старания у некоторых имеют успех, но большинство отвергает их.

Тем не менее Занду удается образовать вокруг себя значительный круг пуритан числом от шестидесяти до восьмидесяти студентов, принадлежащих к секте «Буршеншафт», которая, невзирая на насмешки соперничающей секты «Ландсманшафт», следует своим политическим и религиозным путем; во главе ее становятся он сам и его друг по имени Дитмар, и хотя власть их не основывается на выборности, их влияние при принятии решений свидетельствует, что в сложившихся обстоятельствах сотоварищи непроизвольно подчиняются импульсам, которые эти двое считают необходимым внушать своим адептам. Собрания буршей происходят на невысоком холме неподалеку от Эрлангена, на вершине которого стоит старый замок; Занд и Дитмар называли его Рютли в память о том месте, где Вальтер Фюрст, Мельхталь и Штауфахер дали клятву освободить свой родной край¹⁰; здесь студенты собирались якобы отдохнуть и постепенно,

¹⁰ Имеются в виду вожди движения швейцарских кантонов за освобождение от власти Габсбургов, завершившееся победоносным восстанием 1307 г.

камень по камню выстроили на месте развалин новый дом, переходя попеременно от действия к символу и от символа к действию.

Союз этот, надо отметить, так широко распространился по всей Германии, что вызвал беспокойство не только у королей и князей Германской конфедерации, но и у европейских монархов. Франция посылала агентов, дабы они доносили о деятельности союза, Россия не жалела денег на подкуп; нередко причиной гонений на какого-нибудь профессора, ввергавших в отчаяние весь университет, являлась нота Тюильрийского или Санкт-Петербургского кабинета.

В этой гуще событий Карл Занд, поручив себя заступничеству Бога, начал 1817 год в весьма, как мы видели, унылом настроении, которое держалось у него не столько отвращением к самой жизни, сколько к ее проявлениям. 8 мая, терзаясь меланхолией, которую он пытался преодолеть и источником которой являлись обманутые политические надежды, он записал в дневнике:

«Все так же неспособен взяться серьезно за работу, и это ленивое настроение и ипохондрическое расположение духа, набрасывающее черную вуаль на все явления жизни, продолжается и усиливается, невзирая на нравственный импульс, который я вчера дал себе».

Во время каникул, опасаясь материально стеснить родителей и увеличить их расходы, он не поехал к ним, а предпо-

чел вместе с друзьями отправиться путешествовать пешком. Несомненно, путешествие это, кроме увеселительных, имело и определенную политическую цель. Но как бы то ни было, в продолжение всей экскурсии Занд отмечает в дневнике лишь названия городов, через которые проходил. Впрочем, чтобы дать представление, до какой степени Занд слушался родителей, следует сказать, что он отправился в это путешествие, только получив на то позволение от матери.

Вернувшись, Занд, Дитмар и их друзья бурши нашли свой Рютли разрушенным их противниками из «Ландсманшафта», а обломки его разбросанными. Занд воспринял это событие как пророческий знак и был страшно удручен.

«О Господи,— записывает он в дневнике, — мне кажется, что все вокруг меня плывет и кружится. Душа моя становится все мрачней и мрачней, нравственные силы не возрастают, а убывают; я тружусь, но ничего не могу достичь, иду к цели, но не могу к ней прийти, истощаю себя, но ничего великого не совершаю. Дни жизни утекают один за другим, заботы и тревоги растут, и я нигде не вижу той гавани, где может пристать корабль нашего святого германского дела. В конце концов мы все падем, и я сам уже колеблюсь. О Господи, Отец Небесный, охрани меня, спаси меня и проведи в ту страну, которую мы непрестанно отвергаем безразличием колеблющихся умов».

В ту же пору страшное событие потрясло Занда до глубины

ны души: утонул его друг Дитмар.

Вот что Занд записал в дневнике утром того дня, когда это случилось:

«О Господи всемогущий, что же будет со мной? Вот уже четыре дня я пребываю в смятении, не могу заставить себя пристально взглянуть ни на прошлую свою жизнь, ни на будущую; дошло до того, что с 4 июня в дневнике нет ни одной записи. И все же, Господи, и в эти дни у меня были поводы славить тебя, но моя душа полна страха. Боже, не отвращайся от меня; чем больше преград, тем больше требуется сил».

А вечером к утренней записи он добавляет эти несколько слов:

«Скорбь, отчаяние и смерть друга, моего горячо любимого друга Дитмара».

В письме домой он рассказывает об этом трагическом событии:

«Вам известно, что, когда мои ближайшие друзья Ю. К. и Ц. уехали, я особенно сошелся с Дитмаром фон Ансбахом. Дитмар – истинный и достойный немец, евангелический христианин, наконец, человек! Ангельская душа, всегда устремленная к добру, светлая, благочестивая, готовая к действию. Он поселился в доме профессора Грюнлера в комнате напротив меня; мы сдружились, объединили наши усилия и, худо ли, хорошо ли, вместе переносили добрые и скверные повороты судьбы. В тот последний вечер

весны, позанимавшись каждый у себя в комнате и вновь укрепившись в стремлении противостоять всем невздам жизни и достичь нашей цели, мы около семи часов пошли искупаться в Реднице. Темная грозовая туча появилась на небе, но в тот момент она была еще только на горизонте. Э., присоединившийся к нам, предложил вернуться, но Дитмар отказался, сказав, что до канала рукой подать. Слава Богу, что он дозволил не мне произнести этот гибельный ответ. Мы продолжили наш путь, закат был великолепен. Он и сейчас еще стоит у меня перед глазами: темно-лиловые тучи, окрашенные по краям золотом; я запомнил все подробности этого рокового вечера.

Дитмар первым вошел в воду: он единственный из нас умел плавать и потому шел впереди, чтобы мы видели глубину. Мы зашли по грудь, а ему вода уже была по шею, ведь он опережал нас, и тогда он сказал нам, чтобы дальше мы не шли, потому что дно уходит. После этого он поплыл, но едва успел сделать несколько взмахов руками, как оказался там, где река разделяется на два рукава, крикнул и, желая встать на дно, исчез. Мы тотчас бросились на берег, надеясь оттуда успешней оказать ему помощь, но поблизости не нашлось ни шеста, ни веревки, а мы оба, как я уже упомянул, не умеем плавать. Тогда мы изо всех сил стали звать на помощь. В этот миг Дитмар вынырнул и в отчаянном усилии ухватился за ветку ивы, свисающую над водой, но она оказалась слишком хлипкой, чтобы удержать его, и наш друг вновь

исчез, словно пораженный апоплексическим ударом. Вообразите себе, в каком состоянии были мы, его друзья, как мы склонялись над рекой, напряженным и безумным взглядом пытаюсь проникнуть в глубину вод. О Боже, Боже, как мы только не сошли с ума!

Тем временем на наши крики сбегалось множество народа. В течение двух часов с лодок обшарили баграми дно и наконец вытащили его труп из глубины. Вчера мы торжественно перенесли его к месту вечного упокоения.

Итак, весна кончилась, и началось важное для моей жизни лето. Я приветствую его в настроении мрачном и меланхолическом, и вы видите меня не столько утешившимся, сколько укрепившимся в вере, и она дает мне уверенность, что благодаря жертве Христа я обрету моего друга на небе, с высоты которого он наполняет меня силой, дабы я мог перенести все испытания этой жизни, и сейчас я хочу только одного: знать, что вы совершенно не тревожитесь обо мне».

Эта трагедия отнюдь не объединила общей скорбью обе студенческие секты, а, напротив, лишь ожесточила ненависть, какую они питали друг к другу. Среди первых прибежавших на крики Занда и его друга был один из членов «Ландсманшафта», умевший к тому же плавать, но вместо того, чтобы броситься спасать Дитмара, он воскликнул: «Слава Богу, кажется, мы избавимся от одного из этих собак буршей!» Невзирая на такое проявление враждебности, которое, впрочем, могло быть личным и не иметь никакого от-

ношения ко всему обществу, бурши пригласили своих противников принять участие в погребении Дитмара. Ответом им был грубый отказ и угроза помешать похоронам и надругаться над трупом. Тогда бурши предупредили власти, которые приняли меры; друзья же Дитмара сопровождали его тело, держа в руках шпаги. Видя эту спокойную, но решительную демонстрацию, члены «Ландсманшафта» не осмелились привести угрозу в исполнение и ограничились тем, что осыпали похоронную процессию оскорблениями, насмешками и пением куплетов.

Занд записал в дневнике:

«Утрата Дитмара – величайшая потеря для всех и особенно для меня: он отдавал мне избыток своей силы и жизни, сдерживал, подобно плотине, все, что было зыбкого и нерешительного в моем характере. Благодаря ему я научился не страшиться надвигающейся бури, обрел умение сражаться и готовность погибнуть».

Через несколько дней после похорон у Занда произошла из-за Дитмара ссора с давним другом, перешедшим от буршей в «Ландсманшафт»; во время погребения была замечена его неуместная веселость. Назавтра была назначена дуэль, и в тот вечер Занд записывает в дневнике:

«Завтра я должен драться с П. Г. Господи, ты же знаешь, какими мы некогда были друзьями, хотя холодность его всегда внушала мне определенное недоверие; однако в нынешних обстоятельствах из-

за его гнусного поведения чувства мои к нему переменились от ласковой сострадательности к глубочайшей ненависти.

Господи, не отнимай своей десницы ни от него, ни от меня, ибо мы будем драться как мужчины, но суди нас по нашим делам и дай победу тому, кто прав. Если ты призовешь меня предстать перед твоим судом, знаю, я туда явлюсь,отягченный вечным проклятием, так что я рассчитываю не на себя, а лишь на заступничество Спасителя нашего Иисуса Христа.

Но что бы ни случилось, славься вовеки и будь благословен, Господи! Аминь.

Мои дорогие родители, братья и друзья, поручаю вас покровительству Господню».

На следующий день Занд напрасно прождал два часа: противник не явился.

Впрочем, утрата Дитмара отнюдь не произвела на Занда того воздействия, какого можно было бы ожидать и какое, похоже, он сам себе предсказывал, судя по охватившей его скорби. Лишившись сильного духом друга, на которого он мог положиться, Занд понял, что обязан, удвоив энергию, сделать все, чтобы гибель Дитмара оказалась как можно менее катастрофической для их партии. Теперь он один ведет дела союза, которыми они занимались вдвоем, и конспиративная патриотическая деятельность не замирает ни на миг.

Наступили каникулы, и Занд покидает Эрланген, чтобы более уже не вернуться туда. Из Вонзиделя он поедет в Йену

продолжать теологическое образование. Несколько дней он проводит со своими родными и отмечает эти дни в дневнике как счастливые, а затем расстается с ними и приезжает в Йену незадолго до Вартбургского праздника.

Праздник этот, установленный в честь годовщины Лейпцигской битвы, стал торжеством для всей Германии, и хотя монархи знали, что Вартбург является центром, где ежегодно производится прием новых членов в тайные общества, запретить праздник не решались. Союз «Тевтония», представленный более чем двумя тысячами делегатов из разных университетов Германии, занимал важное место на празднике того года. Это был для Занда радостный день: среди новых друзей он встретил и множество старых.

Тем не менее правительство, не решаясь атаковать студенческие общества в открытую, повело под них подкоп. Г-н фон Штаурен опубликовал чудовищную статью против них, написанную, как поговаривали, на основе сведений, которые представил Коцебу¹¹. Эта статья произвела большой шум не только в Йене, но и по всей Германии. То был первый удар, нанесенный свободе студентов. Вот какой след этого события мы обнаруживаем в дневнике Занда:

«24 ноября.

Сегодня часов около четырех после усердных и прилежных занятий я вышел вместе с Э... Проходя

¹¹ Коцебу, Аугуст Фридрих (1761–1819) – немецкий писатель и драматург, крайний реакционер и агент Священного союза.

по Рыночной площади, мы услышали, как читают новую отравленную клевету Коцебу. Сколько же злобы у этого человека к буришам и ко всем, кто любит Германию!»

Это первое, да еще в таких выражениях, упоминание в дневнике фамилии человека, которого Занд через полтора года убьет.

Вечером двадцать девятого Занд запишет:

«Завтра я с отвагой и радостью совершу паломничество в Вонзидель, где встречу великодушную матушку и нежную сестру Юлию, охладжу голову и согрею душу. Возможно, попаду на свадьбу моего славного Фрица и Луизы и побываю на крестинах первенца дорогого моего Дурхмита. Господи, отец мой небесный, ты всегда был со мной на дороге скорби, не оставь же меня и на дороге радости».

Эта поездка действительно была радостной для Занда. После смерти Дитмара у него прекратились приступы ипохондрии. Пока Дитмар был жив, он мог умереть, но теперь, когда Дитмар умер, он должен жить.

11 декабря Занд уезжает из Вонзиделя и возвращается в Йену, а 31-го того же месяца записывает в дневнике следующую молитву:

«О милосердный Боже, этот год я начал с молитвой, а последнее время был рассеян и в плохом настроении. Оглядываясь назад, я вижу, увы, что не

стал лучше, но я иду все дальше по жизни и теперь чувствую, что у меня есть силы действовать, когда представится случай.

Ты всегда был со мною, Господи, даже тогда, когда я был не с тобой».

Если наши читатели достаточно внимательно читали отрывки из дневника, которые мы тут приводим, они должны заметить, как мало-помалу укрепляется решимость Занда, а мысли его становятся все более экзальтированными. С начала 1818 года ощущается, как его взгляд, долго остававшийся робким и блуждающим, охватывает все более широкий горизонт и устремляется ко все более возвышенной цели. Теперь предметом его устремлений становится не простая жизнь пастора, не крохотное влияние, какое он будет иметь в маленьком приходе, что во времена его скромной юности казалось ему вершиной счастья и блаженства, но родина, но немецкий народ, и даже все человечество, которое объемлют его гигантские планы политического возрождения. И вот на чистом обороте обложки дневника за 1818 год он пишет:

«Господи, помоги мне укрепиться в замысле освобождения человечества святой жертвой твоего Сына. Сделай так, чтобы я стал Христом для Германии и чтобы, как Иисус и через него, стал сильным и терпеливым в страданиях».

А тем временем антиреспубликанские брошюры Коцебу все выходили и выходили и начали оказывать губительное вли-

ание на умы правителей. Почти все, на кого Коцебу напал в памфлетах, были известны и почитаемы в Йене; можно представить, какое воздействие оказывали все эти оскорбления на юные головы и благородные сердца, в убежденности доходившие до ослепления, а в энтузиазме до фанатизма.

И вот что 5 мая Занд записывает в дневнике:

«Господи, ну почему же эта унылая тревога опять овладевает мной? Но сильная и постоянная воля все преодолевает, и идея отчизны придает самым печальным и самым слабым радость и отвагу. Когда я задумываюсь над этим, то всякий раз удивляюсь, почему среди нас не нашелся хотя бы один мужественный человек и не перерезал глотку Коцебу или любому другому предателю».

Захваченный этой мыслью, 18 мая он продолжает:

«Человек – ничто в сравнении с народом, все равно как единица в сравнении с миллиардом, минута в сравнении с веком. Человек, которому ничто не предшествует и за которым ничто не следует, рождается, живет и умирает, и все это объемлет более или менее продолжительный промежуток времени, но соответственно с вечностью этот промежуток короче вспышки молнии. Народ же, напротив, бессмертен».

Тем не менее, несмотря на мысли о политической неизбежности кровавой расправы, в нем иногда возрождается добрый и жизнерадостный юноша.

24 июня он пишет матери:

«Я получил Ваше прекрасное и просторное письмо, к которому были приложены посланные Вами вещи, так щедро и великолепно подобранные. При взгляде на превосходное белье я радовался, как когда-то в детстве. Еще одно Ваше благодеяние! Пусть же исполнятся мои молитвы, а я никогда не устану благодарить Вас и Бога. Я получил сразу и сорочки, и две пары чудесных простыней, все, сделанное Вашими руками и руками Каролины и Юли, лакомства и сласти; нет, я не запрыгал от радости, открыв присланный Вами пакет, но зато трижды повернулся на каблучке. Примите мою сердечную благодарность и разделите, как дарительница, радость получившего подарок.

Сегодня тем не менее важный день, последний день той весны, в которую исполняется год, как я потерял моего благородного и доброго Дитмара. Меня раздирают самые разнообразные и смутные чувства, но лишь две страсти во мне незыблемы, подобно бронзовым столпам, что держат хаос: мысль о Боге и любовь к Родине».

Все это время жизнь Занда внешне выглядит спокойной и размеренной, внутренняя буря утихла, он радуется своему усердию в занятиях и жизнерадостному настроению. И все же время от времени он сокрушается из-за своей склонности к лакомствам, которую никак не может преодолеть. И тогда, исполненный презрения к себе, он честит себя смоковым

или пирожным брюхом.

Но при всем при том его религиозная и политическая экзальтация не ослабевает. Вместе с друзьями он совершает пропагандистскую поездку в Лейпциг, Виттенберг и Берлин и по пути посещает все поля сражений, расположенные поблизости от дороги. 18 октября Занд возвращается в Йену и принимается за учение с еще большим прилежанием, чем когда бы то ни было. Конец 1818 года заполнен напряженными занятиями в университете, и можно было бы усомниться, что он принял чудовищное решение, если бы не запись в дневнике от 31 декабря:

«Этот последний день 1818 года я завершил в серьезном и торжественном настроении и решил, что только что прошедшие рождественские праздники будут для меня последним Рождеством, которое я отметил. Чтобы из наших усилий что-то получилось, чтобы дело человечества одержало верх в нашей стране, чтобы в эту эпоху безверия смогли возродиться и утвердиться высокие чувства, необходимо одно условие: мерзавец, предатель, свратитель молодежи подлый Коцебу должен быть повергнут! Я совершенно в том убежден и не успокоюсь, пока не совершу это. Господи, ты знаешь, что я посвятил жизнь великому делу, и ныне лишь оно одно в моих мыслях, и потому молю тебя: даруй мне подлинную стойкость и душевное мужество».

На этом дневник Занда завершается: он завел его, чтобы

укрепиться, достиг своей цели и теперь не испытывает в нем потребности. Теперь он занят лишь этой идеей, продолжает неторопливо вынашивать план, мысленно осваивая его исполнение. Для всех он остался прежним, и лишь спустя известное время в нем заметили поразительную, ровную безмятежность, которой сопутствовало зримое и радостное возвращение к жизни. Он несколько не изменил ни распорядок, ни продолжительность занятий и лишь весьма прилежно стал посещать курс анатомии. Однажды заметили, как он куда внимательней, чем обыкновенно, слушал лекцию, в которой профессор объяснял различные функции сердца; Занд тщательнейше определял место, где оно в точности расположено, по два, а то и по три раза просил повторять некоторые демонстрации, выйдя же из класса, принялся расспрашивать студентов, изучающих курс медицины, действительно ли этот орган настолько чувствителен и уязвим, что достаточно нанести в него один-единственный удар, чтобы наступила смерть; причем проделывал он это с таким спокойствием и полнейшим равнодушием, что ни у кого не возникло ни малейших подозрений.

А еще как-то один из его друзей, А. С., зашел к нему в комнату; Занд, слышавший, как тот поднимается по лестнице, ждал его, стоя у стола с ножом для разрезания бумаги в руке; гость вошел, Занд бросился к нему и несильно ударил по лбу, и когда тот вскинул руки, нанес легкий удар ножом в грудь и, довольный проведенным опытом, сказал:

– Вот так и надо действовать, когда хочешь убить человека: делаешь вид, будто собираешься ударить его по лицу, он поднимает руки, и тут ты вонзаешь ему в сердце кинжал.

Молодые люди долго смеялись после этой имитации убийства, а вечером А. С. рассказал о ней в погребке, представив ее как одну из странностей, присущей другу. И только после смерти Коцебу стал ясен смысл этой пантомимы.

Пришел март, и с каждым днем Занд становился все спокойней, все сердечней и добрее; казалось, прежде чем навсегда расстаться с друзьями, он хотел оставить о себе самые лучшие воспоминания. Наконец он объявил, что многочисленные семейные дела вынуждают его совершить небольшую поездку, и начал готовиться к ней с обычной своей тщательностью и в то же время с какой-то невиданной доселе просветленностью. До самого отъезда он продолжал заниматься, не давая себе, как обычно, ни малейшего послабления: Занд не хотел терять времени, так как до срока, который он себе назначил, Коцебу мог умереть или кто-то другой мог прикончить его.

Седьмого марта Занд пригласил к себе вечером друзей и объявил, что уходит послезавтра, девятого. Тут же все стали предлагать проводить его из города, но Занд воспротивился: он опасался, как бы подобные многолюдные проводы не повредили впоследствии его друзьям. Он вышел один, предварительно сняв, чтобы отвести любые подозрения, комнату на следующий семестр, и через Эрфурт и Эйзенах направился

в Вартбург.

Оттуда он пошел во Франкфурт, где провел ночь на семнадцатое марта, и на следующий день отправился в Дармштадт. А двадцать второго в девять утра он был на том невысоком холме, где мы и застали его в начале нашего рассказа. В продолжение всего пути это был приятный, веселый молодой человек, мгновенно внушающий симпатию.

Придя в Мангейм, он остановился в гостинице и записался в книге регистрации постояльцев под именем Хайнриха. Первым делом Занд справился, где живет Коцебу. Советник жил около церкви иезуитов в угловом доме, и хотя точно буквы¹² назвать ему не смогли, ошибиться было просто невозможно.

Занд сразу же отправился к Коцебу; было уже почти десять, и в доме ему сказали, что советник каждое утро час другой прогуливается по одной и той же аллее мангеймского парка. Занд справился, по какой аллее и как одет советник: Коцебу он никогда не видел и распознать его мог только по приметам. Случаю было угодно, чтобы в тот день Коцебу выбрал для прогулки другую аллею. Занд около часу бродил по парку, но, не встретив никого, кто соответствовал бы полученному описанию, вернулся в дом Коцебу. Тот уже был у себя, но завтракал и не смог принять Занда.

Занд возвратился в гостиницу, где пообедал за табльдом; он ничуть не волновался и был так оживлен, говорил

¹² В Мангейме дома пронумерованы буквами, а не цифрами. (Примеч. автора.)

так непринужденно, живо и возвышенно, что обратил на себя внимание всех сотрапезников. В пять пополудни он в третий раз направился к Коцебу, который в тот день давал званный обед, но распорядился принять Занда. Его провели в небольшой кабинет, смежный с приемной; через несколько секунд туда вошел Коцебу.

Занд разыграл драму, репетицию которой провел на А. С.: нанес Коцебу удар в лицо, тот вскинул руки, открыл грудь, и Занд вонзил ему в сердце кинжал. Коцебу вскрикнул, пошатнулся и рухнул в кресло: он был мертв.

На крик его вбежала шестилетняя девочка, очаровательное немецкое дитя с личиком херувима, синими глазами и длинными вьющимися волосами. С душераздирающими рыданиями она бросилась на труп отца, стала звать его; стоящий в дверях Занд не смог вынести этого зрелища и тут же, не сходя с места, по рукоять вонзил себе в грудь кинжал, еще покрытый кровью Коцебу.

Изумленный тем, что, несмотря на нанесенную себе жесточайшую рану, он остался жив, и не желая попасть в руки к спешащим на крики слугам, Занд бросился вниз по лестнице. По ней как раз поднимались гости, но, увидев бледного, покрытого кровью молодого человека с кинжалом в груди, испуганно закричали и расступились перед ним, не подумав даже задержать. Занд спустился по лестнице и выскочил на улицу. Мимо дома как раз шел патруль, который должен был заступить на караул во дворце. Занд, решив, что солда-

ты явились на крики, которые неслись из дома, упал посреди улицы на колени и воскликнул:

– Отец небесный, прими мою душу!

Затем он вырвал кинжал, нанес себе второй удар чуть ниже первой раны и упал без сознания.

Занда перенесли в госпиталь и содержали там под строжайшей охраной; раны были тяжелые, но благодаря опытности вызванных врачей оказались не смертельными; первая через некоторое время зажила, но во второй, поскольку лезвие прошло между подреберной плевой и плеврой, между этими двумя пленками образовалось кровоизлияние, и потому ей не давали закрыться, каждое утро откачивая из нее скопившуюся за ночь кровь, как это обычно делается при операциях по удалению гноя из грудной полости. Несмотря на заботливый уход и лечение, Занд три месяца находился между жизнью и смертью.

Когда 26 марта известие об убийстве Коцебу дошло из Мангейма до Йены, университетский сенат распорядился вскрыть комнату Занда. Там были обнаружены два письма. Одно было адресовано друзьям по буршеншафту, и в нем Занд объявлял, что более не является членом их общества, так как не хочет, чтобы их собратом оказался человек, которому предстоит умереть на эшафоте.

На втором письме была надпись: «Моим самым дорогим и самым близким», и оно представляло собой подробнейший рассказ о том, что Занд собирается сделать и какие мотивы

толкнули его на этот шаг. Хотя письмо несколько длинновато, оно настолько торжественно и так проникнуто античным духом, что мы без колебаний целиком представляем его вниманию наших читателей.

«Всем моим близким.

Верные и неизменно любимые друзья!

Я спрашивал себя: стоит ли еще более усугублять вашу скорбь? Я не решался написать вам, но моя совесть была бы неспокойна, если бы я промолчал; притом чем глубже скорбь, тем большую чашу горечи нужно испить до самого дна, чтобы пришло успокоение. Так пусть же из моей исполненной страхом груди исторгнется длинная и мучительная последняя исповедь, которая только и способна, ежели она искренна, смягчить тоску расставания.

Это письмо несет вам последнее прощание вашего сына и брата.

Для любого благородного сердца нет большего несчастья в жизни, нежели видеть, как Божие дело останавливается в своем развитии по нашей вине, и самым страшным позором было бы смириться с тем, что то высокое и прекрасное, которое отважно добывали тысячи людей и за что тысячи с радостью жертвовали собой, оказывается всего лишь пустым призраком без всяких реальных и положительных последствий. Возрождение нашей немецкой жизни началось в последнее двадцатилетие и особенно в священном 1813 году с мужеством, которое вдохнул в

нас Господь. И вот отеческий дом потрясен от конька до фундамента. Вперед же! Возведем новый и прекрасный – такой, каким должен быть подлинный храм истинного Бога.

Их немного – тех, кто жаждет остановить, подобно плотине, стремительный поток высокой человечности в немецком народе. Почему же огромные массы покорно склоняются под ярмом порочного меньшинства? И почему, едва излечившись, мы впали в болезнь, еще худшую, чем та, от которой избавились?

Многие из этих совратителей, и особенно самые бесчестные, играют с нами игру, развращающую нас; среди них Коцебу – самый яростный и худший из всех; это настоящая словесная машина, из которой изливаются омерзительные речи и губительные советы. Его голос так ловко умиряет наше недовольство и горечь от самых несправедливых мер; именно это и нужно королям для того, чтобы мы погрузились в давний ленивый сон, смертельно губительный для народов. Каждый день он постыдно предает родину и все-таки, невзирая на предательство, остается идолом для половины Германии, и она, ослепленная им, безропотно принимает яд, который он подает ей в своих бесчисленных памфлетах, ибо он укрыт и защищен обольстительным плащом поэтической славы. Подстрекаемые им государи Германии, забыв свои обещания, запрещают все свободолобивое и благое, а ежели что-то подобное совершается вопреки им, вступают в сговор с французами, дабы это уничтожить.

Чтобы история нашего времени не оказалась запятнана вечным позором, Коцебу должен быть повержен.

Я всегда утверждал: если мы хотим найти великое и окончательное исцеление от того состояния униженности, в каком пребываем, нужно, чтобы никто не страшился ни войны, ни страданий; подлинная свобода немецкого народа будет достигнута лишь тогда, когда честный бюргер сам вступит в игру, а каждый сын отечества, готовый к борьбе за справедливость, презрит блага сего мира и устремится к благам небесным, путь к которым идет через смерть.

Кто же поразит этого наемного негодяя, этого продажного предателя?

Я рожден не для убийства и долго ждал в тревоге, молитве и слезах, чтобы кто-нибудь меня опередил, развязал и позволил мне продолжать кроткий и мирный путь, что я себе избрал. Но, несмотря на мои слезы и молитвы, не нашлось никого, кто нанес бы удар; что ж, любой человек, точно так же как я, имеет право рассчитывать на другого и рассчитывает; но каждый час промедления лишь ухудшает наше положение, ибо с часу на час Коцебу может безнаказанно покинуть Германию – а не станет ли для нас это вечным позором? – и уехать в Россию проживать богатства, за которые он продал честь, совесть и имя немца. Кто может гарантировать нас от такого позора, если каждый из нас – если я сам – не найдем в себе силы спасти возлюбленную отчизну, приняв на себя избранничество и свершив Божий суд? Итак, вперед! Я

мужественно устремлюсь на этого гнусного совратителя и (только не пугайтесь) убью его, чтобы его продажный голос умолк и перестал удерживать нас от исполнения предначертаний истории и Божественного промысла. Непреодолимый и возвышенный долг понуждает меня к этому поступку с тех пор, как я постиг, сколь высокого удела может достичь немецкий народ в нынешнем столетии; после того, как я узнал негодяя и изменника, который один только и препятствует этого добиться, это побуждение стало для меня, как для всякого немца, стремящегося ко всеобщему благу, суровой и неукоснительной необходимостью. Пусть же этим отмщением от имени народа мне удастся указать всем людям с честной и верной душой, где кроется подлинная опасность, и отвести от наших униженных и оклеветанных союзов огромную и такую близкую угрозу! И пусть мне удастся повергнуть злосердечных и подлых и придать мужества и веры чистым душой! Речи и писания ничего не дают, **действены** только поступки.

Итак, я буду действовать, и хотя внезапно вынужден расстаться со светлыми мечтами о будущем, все равно полон упований на Бога; более того, я испытываю небесную радость с той поры, как, подобно евреям, искавшим Землю обетованную, увидел перед собой обозначенный в ночи и через смерть путь к цели, к уплате своего долга родине.

Прощайте же, верные сердца! Да, внезапная разлука тяжела; да, ваши надежды, как и мои упования,

обмануты, но утешимся мыслью, что мы совершили то, чего требовал от нас голос родины, а это, как вы знаете, всегда было главным принципом моей жизни. Вы, несомненно, будете говорить между собой: «И все-таки, благодаря нашим жертвам, он сумел познать жизнь и вкусить земных радостей и, кажется, глубоко любил родную страну и скромное поприще, к которому был призван». Увы, это правда. Благодаря вашему попечительству и бесчисленным жертвам родная земля и жизнь стали мне бесконечно дороги. Да, благодаря вам я вошел в Эдем науки и жил свободной мыслительной жизнью; благодаря вам я заглянул в историю, а затем вновь обратился к собственному сознанию, дабы ради Вечности прильнуть к незыблемым столпам веры.

Да, я должен был мирно прожить эту жизнь проповедником Евангелия, должен был, сохраняя верность своему званию, бежать бурь сей юдоли. Но было ли бы это достаточно, чтобы отвратить опасность, угрожающую Германии? И разве вы в своей безмерной любви не обязаны были бы побудить меня рискнуть жизнью ради общего блага? Сколько греков, наших современников, уже пало, чтобы вызволить свою родину из-под турецкого ига, и хотя гибель их не принесла никакого результата и никакой надежды, тысячи новых мучеников не утратили отваги и тоже готовы пожертвовать собой. Так неужто же мне бежать смерти?

Да поверь я, что вы не согласитесь со мной, я принизил бы вашу любовь или показал бы, что не

слишком чту ее. Что направляет меня к смерти, как не преданность вам и Германии и не потребность доказать эту преданность своей семье и своей стране?

Матушка, ты спросишь: «Зачем я вырастила сына, которого любила и который любил меня, сына, стоившего мне стольких забот и стольких мук, который благодаря моим молитвам и моему примеру был так отзывчив на все доброе и должен был заботиться обо мне на склоне моего долгого и трудного жизненного пути так же, как некогда я заботилась о нем? Почему же теперь он покидает меня?»

О моя добрая и ласковая матушка, возможно, вы так спросите. Но разве не могла бы задать такой вопрос каждая мать? Но ведь тогда все уйдет в слова, а нужно действовать! А если никто не захочет действовать, что станет с нашей общей матерью, которая называется Германией?

Нет, благородная мать, ты не снизойдешь до таких жалоб. Однажды я услышал твой призыв, и сейчас, если бы никто не восстал ради Германии, ты сама послала бы меня на битву. У меня есть два брата и две сестры, прекрасные, честные люди. Они останутся с Вами, матушка, а кроме того, Вашими сыновьями станут все дети Германии, любящие свою отчизну.

Каждый человек должен исполнить свое предназначение; мое – свершить задуманный мной поступок. Да проживи я еще пятьдесят лет, я не смог бы прожить их счастливей, чем эти последние дни.

Прощайте, матушка, поручаю Вас покровительству

Господнему, и да ниспошлет Он Вам то блаженство, когда не трогают никакие горести! Поскорей проведите своих внуков, которым я так хотел быть ласковым другом, на самую высокую вершину наших прекрасных гор. И пусть там, на этом алтаре, воздвигнутом для Господа посреди Германии, они посвятят себя в жертву и поклянутся взять в руки меч, как только у них хватит силы держать его, и не выпускать до тех пор, пока все наши братья не соединятся ради борьбы за свободу, пока все немцы, получив либеральную конституцию, не станут великими перед Богом, могучими перед соседями и едиными.

Пусть же моя родина всегда возносит счастливые взоры к Тебе, всемогущий Отец! И да снизойдет твое безмерное благословение на ее нивы, готовые к жатве, и на ее армии, готовые к сражению, и да станет среди всех народов немецкий народ, благодарный за благодеяния, что Ты на него изливаешь, первым, кто поднимается на поддержку дела человечности, ибо она есть Твой образ на земле.

Ваш неизменно любящий сын, брат и друг.

Йена, начало марта 1819 года.

Карл Людвиг Занд».

Вначале Занда поместили, как мы уже упоминали, в больницу, а через три месяца перевезли в мангеймскую тюрьму, где ее директор г-н Г. приготовил ему камеру. Еще месяца два Занд был весьма слаб; левая рука у него была полностью парализована, он едва говорил, любое движение причиняло

ему невыносимые страдания; только 11 августа, то есть через пять месяцев после события, о котором мы только что рассказали, он смог написать своим родным письмо.

«Мои дорогие!

Следственная комиссия великого герцога вчера известила меня, что, вполне возможно, мне будет дана безмерная радость: Вы посетите меня, и я смогу здесь обнять Вас, матушка, и кого-нибудь из моих братьев и сестер.

И хоть я ничуть не удивился этому новому доказательству Вашей материнской любви, надежда на свидание опять пробудила во мне воспоминания о счастливой жизни, какую мы вели, когда были вместе. Радость и страдание, желание увидеть Вас и стремление пожертвовать этим счастьем жестоко раздирали мое сердце, и мне понадобилось силою разума взвесить эти столь противоречивые чувства, чтобы овладеть собой и решить, чего же я более хочу.

На чаше весов перетянула жертва.

Вы знаете, матушка, что один-единственный Ваш взгляд, ежедневные свидания, Ваши благочестивые и возвышенные речи могли бы придать мне счастья и мужества на весь этот краткий срок. Но Вы также знаете мое положение, и Вам слишком хорошо известно, как ведутся все эти мучительные допросы, чтобы понимать не хуже меня, что подобные непрерывно возобновляющиеся неудобства весьма уменьшат радость нашей встречи, если не

отравят ее окончательно. И потом, подумайте, матушка, что после долгой и тяжелой дороги, которую Вам придется проделать, чтобы повидаться со мной, наступит пора прощания перед вечной разлукой на этом свете и с какими жестокими муками будет она сопряжена. Так что пожертвуем, покорясь воле Божией, этим свиданием и останемся в нежной мысленной связи, которой не смогут воспрепятствовать никакие расстояния; я черпаю в ней единственную радость, и вопреки людям мы через Господа, нашего небесного Отца, вечно пребудем в ней.

Что же касается моего физического состояния, я совершенно о нем не думаю. Впрочем, как Вы видите, я сам пишу это письмо, из чего можно заключить, что здоровье мое несколько поправилось. А в остальном я слишком плохо знаю строение собственного тела, чтобы судить, какое воздействие на него оказали раны. Но силы несколько вернулись ко мне, состояние это остается неизменным, и я переносю его спокойно и терпеливо; Господь укрепляет меня и дает мне мужество и твердость; верьте, Он поможет мне во всем обрести духовную радость и сохранить силу разума. Аминь.

Будьте счастливы.

Ваш бесконечно почтительный сын.

Мангейм, 18 августа 1819 года.

Карл Людвиг Занд».

Спустя месяц пришли нежные ответы от всех членов се-

мы; мы приведем здесь только письмо матери Занда, поскольку оно дополняет наше представление об этой женщине с благородным сердцем, как всегда называл ее сын.

«Дорогой, бесконечно дорогой Карл!

Как приятно мне было увидеть после такого долгого времени строки, написанные столь дорогой рукой! Никакое путешествие не показалось бы мне слишком трудным, никакая дорога, пусть даже самая долгая, не помешала бы мне поехать свидеться с тобой, и я с глубокой и бесконечной любовью отправилась бы на край света с одной лишь надеждой повидать тебя.

Но поскольку я хорошо знаю и твою нежную любовь, и твою безмерную заботу обо мне и поскольку ты с величайшей твердостью и мужской основательностью привел доводы, против которых я ничего не могу возразить и которые могу лишь уважать, пусть будет, любимый мой Карл, так, как хочешь ты и как ты решил. Мы будем безмолвно продолжать мысленно общаться, но будь спокоен: ничто не может нас разлучить, я храню тебя в душе, и мои материнские мысли оберегают тебя.

Так пусть же безграничная любовь, что поддерживает нас, нас укрепит и приведет к лучшей жизни, а в тебе, дорогой мой Карл, сохранит мужество и твердость духа.

Прощай и будь неизменно уверен, что я никогда не перестану глубоко и сильно любить тебя.

Твоя верная мать, которая вечно будет любить

тебя».

Занд отвечал:

«Январь 1820 года, с моего острова Патмос¹³.

Дорогие родители, братья и сестры!

В середине сентября прошлого года я получил от специальной следственной комиссии великого герцога, в человечности которой вы уже имели возможность убедиться, ваши милые письма от конца августа и начала сентября, и они произвели на меня волшебное действие, преисполнив радостью и перенеся в тесный круг ваших душ.

Вы, любящий мой отец, пишете мне в день своего шестидесятилетия и с самой нежной любовью изливаете на меня свои благословения.

Возлюбленная матушка, Вы снисходите до обещания продолжать меня любить, во что я непреложно верил всегда, и вот я получил от вас обоих благословения, которые в нынешнем моем состоянии окажутся для меня стократ благодетельней, чем любая милость, какую могли бы мне предоставить, соединясь вместе, все монархи земли. Да, вы щедро подкрепляете меня своей благословенной любовью, и я благодарю вас с почтительной покорностью, и ею всегда будет полно мое сердце, ибо она – первейший сыновний долг.

Но чем сильнее ваша любовь, чем нежней ваши

¹³ На о. Патмос в Эгейском море св. Иоанн Богослов, будучи в ссылке, писал «Откровение» («Апокалипсис»).

письма, тем, должен вам признаться, я сильней страдаю от добровольной жертвы, которую мы принесли, решив более не видеться. Я не задержался бы так с ответом, милые мои родители, если бы мне не потребовалось время восстановить утраченные силы.

И вы, дорогой зять и дорогая сестра, тоже заверяете меня в вашей искренней и неизменной привязанности. И все-таки после того, как я вызвал у вас такой ужас, вы, кажется, толком не знаете, что вам обо мне думать, но сердце мое полно признательности за вашу прошлую доброту, а ваши поступки говорят мне: если бы вы стали любить меня меньше, чем я вас, это значило бы, что иначе вы не можете. И это для меня стоит куда больше, чем любые возможные уверения и ваши самые нежные слова.

А ты, мой добрый брат, ты согласился бы помчаться с нашей возлюбленной матушкой на берега Рейна, туда, где между нами возникли подлинные душевные узы и где мы были вдвойне братьями¹⁴. Но скажи, разве ты мыслью и духом не брат мне сейчас, когда я припадаю к обильному источнику утешения, которым стало для меня твое сердечное и нежное письмо?

Милая невестка, я вновь встретился и с тобой, которая с первого же появления у нас нежной любовью выказала себя как подлинная сестра. Я

¹⁴ Именно в окрестностях Мангейма Карл и его брат встретились в 1815 г. под одними знаменами. (Примеч. автора.)

опять встретил то же ласковое отношение, те же сестринские чувства, что и прежде; твои утешения, исполненные глубокой и кроткой набожности, проникли освежающим потоком в самые глубины моего сердца. Но должен сказать тебе, равно как и всем остальным, дорогая невестка, что ты слишком снисходительна, когда расточаешь мне похвалы и выражаешь свое восхищение; их чрезмерность ставит меня лицом к лицу с моим внутренним судьей, который тут же заставляет меня увидеть в зеркале совести облик всех моих слабостей.

Ты, милая Юлия, жаждешь лишь одного – избавить меня от судьбы, что меня ждет, и заверяешь от своего имени, а также от имени остальных, что была бы счастлива, как и они, принять ее вместо меня. В этом я узнаю всю тебя, а равно наши с детства ласковые, нежные отношения. Но уверяю тебя, милая Юлия, с Божьей помощью мне легко будет принять то, что меня ждет, гораздо легче, чем я мог предположить.

Примите же все мою самую горячую и искреннюю благодарность за ту радость, что вы доставили моему сердцу.

Теперь же, когда из ваших ободряющих писем я узнал, подобно блудному сыну, что любовь и доброта моих родных ко мне после возвращения стократ больше, чем перед уходом, хочу со всем возможным тщанием описать вам свое физическое и нравственное состояние и молю Бога подкрепить мои слова своим могуществом, чтобы письмо мое подействовало на

вас так же, как ваши на меня, и чтобы оно помогло вам обрести то состояние спокойствия и просветленности, какого достиг я.

Вы уже знаете, в последние годы, возобладав над собой, я охладел к земным благам и невзгодам и жил только ради нравственных радостей и должен сказать, что, видимо, тронутый моими усилиями, Господь, пресвятой источник всего благого, даровал мне способность искать их и во всей полноте наслаждаться ими; Господь, как и прежде, всегда со мной, и я обретаю в нем, верховном первоначале всякого сущего творения, нашем святом небесном Отце, не только утешение и силу, но и неразлучного друга, полного святой любви, который будет мне сопутствовать всюду, где потребуется его утешение. Разумеется, если бы он отринул меня или я отвратил от него свой взор, я чувствовал бы себя теперь куда несчастней и печальней, но благословением своим он делает меня, слабую, ничтожную тварь, могучим и сильным, дабы противостоять всему, что может на меня обрушиться.

Все, что я почитал святым, все доброе, чего желал, все небесное, к чему стремился, не изменилось для меня и ныне. И я благодарю за это Бога, ибо впал бы теперь в безмерное отчаяние, если бы мне пришлось признать, что сердцем своим я поклонялся ложным идолам и оно оказалось в плену мимолетных признаков. Так что моя вера в эти идеи, моя любовь к ним, ангелам-хранителям моего духа, непрерывно возрастает и будет расти до

самого моего конца, и потому мне, надеюсь, будет легко и просто перейти из сего мира в вечность. Я тихо прожил жизнь в христианской экзальтации и смирении, и мне порой ниспосылались свыше видения, благодаря которым я с рождения предпочел небо земле и которые дали мне сил возноситься к Господу на пламенных крылах молитвы. Я всегда обуздывал волей болезнь, какой бы долгой, мучительной и жестокой она ни была, и она давала мне досуг для занятий историей, позитивными науками и самым лучшим, что есть в религиозном воспитании, а когда болезнь, усилившись, прерывала на какое-то время занятия, я все-таки победно боролся со скукой: воспоминания о прошлом, мое смирение перед настоящим, моя вера в будущее были настолько сильны во мне и вокруг меня, что не давали мне упасть из моего земного рая. В нынешнем своем положении, причиной которого являюсь я сам, я в соответствии с исповедуемыми мною принципами никогда не стал бы чего-либо просить для себя, и тем не менее ко мне выказывается столько доброты, обо мне так заботятся, причем делается все это с такой деликатностью, с такой человечностью, что я не могу, увы, не признаться: люди, с которыми я нахожусь в общении, с избытком и даже преизбытком исполняют любые желания, какие только смеют зародиться в самых глубинах моего сердца. Я никогда не был побежден телесными страданиями до такой степени, чтобы не иметь возможности произнести в душе, возносясь мыслью к небесам: «Да будет с этим жалким

прахом то, что и должно быть», но как бы ни велики были эти страдания, я все равно не сравнил бы их с душевными муками, которые так глубоко и остро ощущаешь, осознавая свои слабости и ошибки.

Впрочем, я теперь редко теряю сознание по причине телесных страданий; опухоль и воспаление у меня были не слишком сильными, а лихорадки достаточно умеренными, хотя вот уже десять месяцев я принужден лежать на спине, не имея возможности встать, а из груди в области сердца у меня вышло более сорока пинт гноя. Нет, рана, хоть она до сих пор открытая, в прекрасном состоянии, и этим я обязан не только превосходным заботам, которыми окружен, но и здоровой крови, унаследованной от Вас, матушка. Так что я не лишен ни земных попечений, ни небесного покровительства. И у меня есть все основания в день своего рождения, нет, не проклинать час, когда я явился на свет, но, напротив, после углубленного созерцания мира сего благодарить Господа и вас, мои дорогие родители, за то, что вы дали мне жизнь. День 18 октября я отметил, исполненный кроткой и пламенной покорности священной воле Господа. В день Рождества я попытался войти в настроение, присущее детям, преданным Богу, и с Божьей помощью новый год пройдет, как и предыдущий, быть может, в телесных страданиях, но – и это бесспорно – в душевной радости. И этот обет, единственный, который я даю, я посылаю вам, любимые мои родители, и вам, дорогие братья и сестры, и вашим близким.

У меня нет надежды встретить свой двадцать пятый день рождения, но пусть исполнится молитва, которую я только что произнес, пусть нынешняя картина моей жизни принесет вам некоторое успокоение, и пусть это письмо, исходящее из сокровенных глубин моего сердца, не только докажет вам, что я достоин вашей несказанной любви, но и обеспечит мне вашу любовь в вечности!

На днях я получил, добрая моя матушка, Ваше нежное письмо от второго декабря, а следственная комиссия великого герцога сооблаговолила позволить мне прочитать и приложенное к нему письмо моего брата. Вы сообщаете, что все вы хорошо себя чувствуете, и посылаете мне засахаренные фрукты из нашего сада. От всего сердца благодарю Вас. Более всего меня обрадовало, что Вы заботливо думаете обо мне и летом, и зимой, ведь это же Вы и милая сестричка Юлия засахарили и приготовили их для меня, и я всей душой предался этой тихой радости.

Искренне рад появлению на свет маленького племянника и сердечно поздравляю его родителей и дедов; я мысленно переношусь на его крестины в любимый наш приход, где отдаю ему свою любовь как брат-христианин и прошу у неба благословения на него.

Думаю, нам придется отказаться от переписки, чтобы не доставлять затруднений следственной комиссии. На этом кончаю и заверяю, быть может, в последний раз в своей глубокой сыновней

почтительности и братской любви.

Карл Людвиг Занд».

Действительно, с этого времени переписка между Зандом и его семьей прекратилась, и только когда ему стала известна его судьба, он написал им еще одно письмо, которое мы приведем чуть позже.

Из предыдущего письма мы видели, какими заботами был окружен Занд, и они не уменьшались ни на один миг. Правда, следует сказать, что никто не воспринимал его как обычного убийцу, многие втайне жалели, а некоторые даже во всеулышание оправдывали. Следственная комиссия, назначенная великим герцогом, сколько можно было затягивала дело; поначалу тяжесть ран Занда давала надежду, что его не придется передавать в руки палачу, и комиссия была бы счастлива, если бы Бог сам исполнил приговор. Но надежды эти не оправдались: опытность врача пусть и не исцелила раны, но победила смерть. Занд не выздоровел, однако остался жив, и теперь все начинали понимать, что его все-таки придется казнить.

К тому же император Александр, назначивший Коцебу своим консулом и ничуть не заблуждавшийся насчет причины убийства, настоятельно требовал, чтобы правосудие шло своим ходом. Следственная комиссия вынуждена была приступить к работе, но, искренне желая найти повод для оттяжки, распорядилась вызвать врача из Гейдельберга, чтобы тот освидетельствовал Занда и представил подробный отчет

о его состоянии; Занд мог только лежать; казнить же человека, лежащего в постели, невозможно, и комиссия надеялась, что врач поможет им получить новую отсрочку, констатировав в своем заключении неспособность узника встать.

Назначенный врач приехал из Гейдельберга в Мангейм, явился к Занду под предлогом, что интересуется им, и спросил, не улучшилось ли его состояние и не способен ли он подняться. Занд взглянул на него и с улыбкой ответил:

– Я понимаю, сударь, там желают знать, хватит ли у меня сил взойти на эшафот. Я на этот счет ничего не могу сказать, но мы можем вместе с вами провести опыт.

Произнеся это, Занд встал и со сверхчеловеческим мужеством совершил то, чего не пробовал делать в течение года и двух месяцев: дважды обошел камеру, после чего сел на постель.

– Как видите, сударь, я достаточно силен, – промолвил он, – так что было бы недопустимо вынуждать моих судей терять драгоценное время и заставлять их и дальше заниматься моим делом. Пусть они выносят приговор, так как ничто не мешает его исполнению.

Врач представил заключение; затягивать дело больше не было никакой возможности: Россия становилась все настойчивей, и вот 5 мая 1820 года верховный суд вынес следующий приговор, утвержденный 12 мая его королевским высочеством великим герцогом Баденским:

«В результате расследования дела и после допроса

в соответствии с компетенцией судебного округа, представления защиты, заключений суда города Мангейма и последующих совещаний суд признает обвиняемого Карла Занда из Вонзиделя виновным в убийстве, в чем он сам и признался, государственного советника Российской империи Коцебу и в наказание, а также с целью дать другим устрашающий пример приговаривает его к лишению жизни через обезглавливание.

Все издержки по настоящему делу, включая и издержки по публичной казни, будут покрыты, вследствие отсутствия у обвиняемого состояния, за счет судебных органов».

Как можно видеть, хотя обвиняемого приговорили к смерти, чего, впрочем, избежать было весьма трудно, сам приговор и по форме и по существу был настолько мягок, насколько это было возможно, так как, карая Занда, он не требовал от его небогатой семьи уплаты издержек по длительному и дорогостоящему процессу, что привело бы к ее разорению.

Пять дней еще протянули, и подписан был приговор только семнадцатого.

Когда Занду сказали, что к нему пришли два советника юстиции, он ничуть не усомнился, что они явились зачитать ему приговор; он попросил несколько секунд, чтобы подняться, а проделывал он это за год и два месяца лишь во второй раз; как и при каких обстоятельствах он встал впервые, мы уже рассказывали. И все-таки он не смог выслушать

приговор стоя, до такой степени он ослаб, и, поздоровавшись с теми, кто пришел сообщить, что его осудили на смерть, попросил позволения сесть, объяснив, что причина тому отнюдь не душевная слабость, а телесная немощь, и добавил:

– Добро пожаловать, господа. Я столько страдал за эти год и два месяца, что вы для меня являетесь ангелами, благовестующими освобождение.

Приговор он выслушал без всякого волнения и с мягкой улыбкой на устах, а когда чтение его было завершено, сказал:

– Я для себя другой судьбы и не ждал, господа, и когда более года назад взошел на холм, откуда открывается вид на ваш город, первым делом увидел место, которое станет моей могилой, и потому должен возблагодарить Бога и людей за то, что они продлили мне жизнь до сегодняшнего дня.

Советники вышли; прощаясь с ними, Занд встал, точно так же как и при их появлении, а затем опустился на стул, возле которого стоял директор тюрьмы г-н Г. Несколько секунд он сидел молча, и вдруг из глаз его скатились по щекам две слезинки. Внезапно он повернулся к г-ну Г. и промолвил:

– Надеюсь, родители мои предпочтут, чтобы я умер именно так, а не вследствие какой-нибудь длительной и постыдной болезни. Что до меня, то я рад, что вскоре услышу, как пробьет час моей смерти, которая обрадует всех, кто ненавидит меня и кого, в соответствии со своими принципами, должен ненавидеть и я.

Потом он написал письмо родным:

«Мангейм, 17 дня месяца весны 1820 года.

Дорогие родители, братья и сестры!

*Вы, должно быть, получили через комиссию великого герцога мои последние письма; я в них ответил на ваши и постарался вас успокоить относительно моего теперешнего положения, обрисовав свое душевное состояние и пренебрежение, какого я достиг, ко всему земному и тленному, ибо его нужно воспринимать как необходимость, когда оно ложится на весы вместе с исполнением мысли, а также ту умственную свободу, которая одна и способна питать душу; одним словом, я попытался вас утешить, заверив, что чувства, принципы и убеждения, которые я некогда высказывал вам, я сохранил в полной неизменности, и они остались прежними; однако это излишняя предосторожность с моей стороны, поскольку я знаю: вы никогда не требовали от меня ничего иного, кроме как **иметь Господа перед очами и в сердце**, и вы видели, что принцип этот под вашим попечительством глубоко проник ко мне в душу, став и в этом и в ином мире единственной целью блаженства; не сомневаюсь, Бог, который во мне и со мной, также будет в вас и с вами, когда это письмо принесет весть, что мне огласили приговор. Я умираю без сожалений, и Господь даст мне силы умереть так, как должно.*

Пишу вам совершенно спокойный и умиротворенный и надеюсь, что ваша жизнь будет протекать спокойно и мирно до той поры, когда наши души, исполненные

новой силы, соединятся, дабы любить друг друга и вместе вкушать вечное блаженство.

Что до меня, то я как жил, с тех пор как помню себя, то есть в безмятежности, полной небесными желаниями, и в мужественной, неодолимой любви к свободе, так и умираю.

Да пребудет Господь с вами и со мной.

Ваши сын, брат и друг

Карл Людвиг Занд».

С этого момента ничто не нарушало его безмятежности; весь день он разговаривал куда оживленней, чем обычно, хорошо спал и, проснувшись лишь в половине восьмого, объявил, что чувствует себя крепче, и возблагодарил Бога за то, что тот не оставляет его.

Уже накануне стало известно содержание приговора, и все знали, что казнь назначается на двадцатое мая, то есть ровно по истечении трех полных суток с момента объявления приговора осужденному.

Теперь к Занду с его согласия стали впускать тех, кто хотел побеседовать с ним и кого он сам был не против видеть; трое из посетителей дольше других пробыли у него и имели более обстоятельный разговор.

Один из них был баденский майор Хольцунген, командовавший караулом, который арестовал, а верней будет сказать, подобрал умирающего Занда и доставил его в госпиталь. Он спросил Занда, узнает ли тот его, и хотя у раненого Занда мысли были совершенно о другом и видел он май-

ора всего миг и после этого они не встречались, тем не менее он в точности, до малейших подробностей припомнил парадный мундир, который был на его собеседнике год и два месяца назад. Потом разговор перешел на смерть, которая ждет Занда, и майор выразил сожаление, что тот умирает таким молодым. Занд улыбнулся и ответил ему:

– Между нами, господин майор, есть различие: я умру за свои убеждения, а вы умрете за чужие.

После майора пришел студент из Йена, с которым Занд познакомился в университете. Студент оказался в герцогстве Баденском и захотел навестить Занда; их встреча была очень трогательной, студент плакал, а Занд с обычным своим спокойствием и просветленностью утешал его.

Затем попросил позволения войти какой-то рабочий, утверждая, что он соученик Занда по вонзидельской школе, и хотя Занду фамилия пришельца ни о чем не говорила, он распорядился впустить его; рабочий напомнил ему, что был в той ребячьей армии, которой командовал Занд в день осады башни Санкт-Катарина. После этого Занд тут же узнал его и с нежностью стал говорить об отчем крае, о любимых горах, а потом велел передать поклоны родным и еще раз попросить мать, отца, братьев и сестер не скорбеть о нем; пусть посланец, передавая им его последний привет, расскажет, в каком спокойном и радостном настроении духа он ожидал смерти.

После рабочего явился один из гостей Коцебу, с которым

Занд столкнулся на лестнице после убийства. Он спросил, признает ли Занд свое преступление и раскаивается ли в нем, на что тот ответил:

– Я много думал об этом, целый год и два месяца, и мое мнение ничуть не изменилось: я совершил то, что должен был совершить.

Когда этот посетитель ушел, Занд попросил позвать г-на Г., директора тюрьмы, и сообщил, что очень хотел бы перед казнью поговорить с палачом и задать ему кое-какие вопросы, чтобы знать, как ему держаться и что делать, чтобы операция прошла как можно надежнее и легче. Г-н Г. стал возражать, но Занд с присущей ему мягкостью продолжал настаивать, и в конце концов директор тюрьмы пообещал, что сообщит палачу об этом его желании, как только тот прибудет в Мангейм из Гейдельберга, где живет.

Остаток дня прошел в новых визитах и в философских и нравственных беседах, в которых Занд развивал свои социальные и религиозные теории, высказывая в необыкновенно ясных выражениях самые возвышенные мысли. Директор тюрьмы, от которого я получил эти сведения, сказал, что он до конца жизни будет сожалеть, что не знает стенографии и не смог записать мысли узника, достойные Федона¹⁵.

Подошла ночь, часть вечера Занд что-то писал, говорят, он сочинял стихотворение, но, надо думать, сжег, так как ни-

¹⁵ *Федон* – древнегреческий философ (V в. до н. э.), ученик Сократа. Платон назвал его именем диалог о бессмертии души.

каких следов от него не осталось. В одиннадцать часов он лег и проспал до шести утра. Днем ему сделали перевязку, как всегда она была мучительна, но Занд перенес ее с необыкновенным мужеством, ни разу не потерял сознания, как это иногда случалось, и даже не издал ни единого стога. Да, он говорил правду: перед лицом смерти Бог смилостивился над ним и возвратил ему силы.

Когда перевязка закончилась, Занд, как обычно, прилег; г-н Г. сел в изножье его кровати, и тут отворилась дверь, вошел какой-то человек и поклонился Занду и Г. Директор тюрьмы тотчас вскочил и взволнованным голосом сообщил:

– Вас приветствует господин Видеман из Гейдельберга. Он хочет поговорить с вами.

Лицо Занда озарилось какой-то странной радостью, и, сев на постели, он произнес:

– Добро пожаловать, сударь.

Затем, пригласив гостя сесть у кровати, он сжал ему руки и стал благодарить так прочувствованно и таким кротким голосом, что тронутый до глубины души г-н Видеман не смог ему даже ответить. Занд, желая разговорить его и побудить сообщить сведения, которые его интересовали, сказал:

– Будьте, сударь, тверды, потому что если что-то не получится сразу, это произойдет не из-за меня, а из-за вас: я не шелохнусь. Но даже если вам понадобится сделать два или три удара, чтобы отделать мне голову от туловища, а я слышал, такое случается, не беспокойтесь из-за этого.

После этих слов Занд, поддерживаемый г-ном Г., встал, чтобы провести вместе с палачом непостижимую, чудовищную репетицию трагедии, в которой завтра ему предстояло сыграть главную роль. Г-н Видеман велел ему сесть на стул, принять требуемую позу и пустился в объяснения всех подробностей казни. Уяснив все, что ему было необходимо, Занд попросил палача завтра не торопиться и делать свое дело без спешки. И еще он заранее поблагодарил его, поскольку, как он сказал, после он уже не сможет этого сделать. Затем Занд снова лег в постель, а бледный палач вышел, едва держась на ногах. Все эти подробности сообщены г-ном Г., так как палач был настолько взволнован, что совершенно ничего не запомнил.

После ухода г-на Видемана в камеру вошли три священника, с которыми Занд беседовал на религиозные темы; один из них остался и пробыл у приговоренного около шести часов, а уходя, сообщил, что ему дано поручение взять с Занда слово, что он не будет перед казнью обращаться к народу. Занд пообещал, добавив:

– Даже если бы я этого захотел, голос у меня стал таким слабым, что народ все равно не услышал бы.

В это время на лугу, что по левую руку от Гейдельбергской дороги, возводили эшафот. Он представлял собой помост футов около шести высотой, а в ширину и в длину по десять футов. Предполагали, что по причине интереса, который возбуждал приговоренный, а также потому, что была

Троица, соберется огромная толпа, и поскольку власти опасались возможных волнений в университетах, охрана тюрьмы была утроена, а из Карлсруэ в Мангейм вызвали генерала Нойштайна с тысячей двумястами человек пехоты, тремястами пятьюдесятью кавалерии и артиллерийской батареей.

Ко второй половине дня девятнадцатого съехалось, как власти и предвидели, столько студентов, которые расположились в окрестных деревнях, что было решено перенести завтрашнюю казнь с одиннадцати, как было установлено, на пять утра. Однако для этого было необходимо согласие Занда, так как казнить можно было только спустя три полных дня после объявления приговора, а поскольку он был прочитан лишь в половине одиннадцатого, Занд имел право на жизнь до одиннадцати часов.

В четыре утра в камеру приговоренного пришли; он так крепко спал, что его пришлось будить. Занд открыл глаза и, не понимая, почему его будят, с обычной своей улыбкой спросил:

– Неужели я так заспался и уже одиннадцать?

Ему сказали, что нет, что к нему пришли просить его согласия перенести час казни, поскольку власти опасаются столкновений между студентами и солдатами, а так как со стороны военных предприняты все должные меры, эти столкновения могут плохо кончиться для его друзей. Занд тотчас же ответил, что он готов, и попросил только время, чтобы принять ванну, как это делали древние перед битвой.

Однако устного его согласия оказалось недостаточно; ему принесли перо и бумагу, и он твердой рукой написал:

«Я благодарю власти Мангейма за то, что они пошли навстречу моему настоятельнейшему желанию и на шесть часов ускорили мою казнь.

Sit nomen Domini benedictum¹⁶.

В тюремной камере утром 20 мая, в день моего освобождения.

Карл Людвиг Занд».

Когда Занд вручил эти несколько строк секретарю, к нему приблизился врач, чтобы, как обычно, перевязать рану. Занд с улыбкой взглянул на него и поинтересовался:

– А стоит ли?

– Вы будете чувствовать себя крепче, – ответил врач.

– Тогда делайте, – согласился Занд.

Принесли ванну; Занд лег в нее и с величайшей тщательностью стал заниматься своими великолепными длинными кудрями; закончив туалет, он оделся: на нем был короткий, по немецкому фасону, редингот, сорочка с выпущенным на плечи воротником, белые обтягивающие панталоны, заправленные в сапоги. После этого он сел на кровать и некоторое время тихо молился вместе со священниками, после чего продекламировал две строки из Кернера:

Все земное кончилось отныне,

¹⁶ Да будет благословенно имя Бога (лат.).

Отворилось небо предо мной.

Затем он попрощался с доктором и священниками, сказав:

– Не приписывайте дрожь моего голоса слабости: он дрожит от признательности.

Когда же священники предложили сопутствовать ему до эшафота, он ответил:

– В этом нет нужды, я вполне подготовлен и Господом, и собственной совестью. Впрочем, я ведь и сам без пяти минут священник.

А когда один из них осведомился, не уходит ли он из жизни, тая в душе ненависть, Занд улыбнулся:

– Господи, да разве она когда-нибудь была во мне?

С улицы доносился нарастающий шум, и Занд вновь сказал, что он готов и им могут располагать. В этот момент вошел палач с двумя подручными; он был одет в длинный черный сюртук, под которым укрывал меч; Занд дружески протянул ему руку, но г-н Видеман, не желая, чтобы Занд увидел меч, не решался подойти и пожать ее.

– Подойдите же, – попросил Занд, – и покажите ваш меч. Я никогда не видел его, и страшно любопытно посмотреть, как он выглядит.

Побледневший, дрожащий г-н Видеман протянул ему меч; Занд внимательно осмотрел его, провел пальцем по лезвию и промолвил:

– Что ж, превосходный клинок. Не бойтесь, и все будет хорошо.

Потом он обратился к плачущему г-ну Г.:

– Надеюсь, вы окажете мне услугу и проводите меня до эшафота?

Г-н Г. утвердительно кивнул, так как не мог говорить, а Занд, взяв его под руку, в третий раз объявил:

– Господа, чего же мы ждем? Я готов.

Выйдя во двор, Занд увидел во всех окнах тюрьмы плачущих узников. Он никогда не встречался с ними, но все они были его давние друзья: каждый из них, проходя мимо дверей его камеры и зная, что там лежит студент, убивший Коцебу, придерживал цепи, чтобы их звоном не беспокоить Занда.

Весь Мангейм вышел на улицы, ведущие к месту казни, на которых были расставлены многочисленные патрули. В день объявления приговора по всему городу искали коляску, чтобы доставить Занда на эшафот, но никто, даже каретники, не пожелал ни продать, ни сдать внаем экипаж; пришлось покупать его в Гейдельберге, умолчав, с какою целью он приобретается.

Коляска уже ждала во дворе, и Занд вместе с г-ном Г. сел в нее. Склонившись к начальнику тюрьмы, Занд шепнул ему на ухо:

– Сударь, если вдруг случайно вы заметите, что я бледнею, обратитесь ко мне по фамилии, всего-навсего произнесите

мою фамилию, этого будет достаточно.

Растворились ворота, и коляска выехала со двора. И в этот миг все в едином порыве закричали:

– Прощай, Занд! Прощай!

Из плотной толпы на улице и из окон домов стали бросать букеты цветов, и некоторые из них попали даже в коляску. Слыша эти дружественные крики, наблюдая эту картину, Занд, не позволявший себе ни секунды слабости, почувствовал, как глаза его наполняются слезами, и, раскланиваясь в ответ на несущиеся со всех сторон приветствия, прошептал:

– Господи, ниспошли мне мужества!

Первый взрыв утих, и процессия тронулась среди глубокого молчания, лишь время от времени кто-нибудь кричал: «Прощай, Занд!», и тут же над толпой поднималась рука, машущая носовым платком, указывая приговоренному, откуда раздался крик.

По обе стороны коляски шли двое тюремных служителей с черным крепом на рукаве, а следом ехал экипаж, в котором сидели представители городских властей.

Погода стояла очень холодная, всю ночь шел дождь, небо было хмурое, затянуто тучами, словно и оно разделяло всеобщую скорбь. Занд был слишком слаб, чтобы сидеть, и потому полулежал на плече сопровождавшего его г-на Г.; в его приятном, но лишенном примет классической красоты лице были кротость и успокоенность, хотя и чувствовалось, что он испытывает боль; вообще за прошедшие год и два месяца

страданий он, казалось, состарился на несколько лет. Наконец процессия прибыла к месту казни, которое было окружено батальоном пехоты; Занд опустил взгляд с неба на землю и увидел эшафот. Он кротко улыбнулся и, высаживаясь из коляски, заметил:

– Что ж, до сих пор Бог давал мне силы.

Директор тюрьмы и первые должностные лица города помогли ему взойти по лестнице. При этом он согнулся от боли, но, поднявшись на эшафот, выпрямился и промолвил:

– Значит, здесь я умру...

Прежде чем опуститься на скамью, на которой его должны были обезглавить, Занд взглянул на Мангейм, потом обвел взором бесчисленную толпу, окружающую эшафот; в этот миг солнечный луч прорвался сквозь тучи. Занд улыбнулся ему и сел.

Так как в соответствии с полученными распоряжениями Занду должны были вторично зачитать приговор, его спросили, достаточно ли крепким он себя чувствует и сможет ли выслушать его стоя. Занд ответил, что попробует и ежели у него не хватит физических сил, то, надеется, душевных ему достанет. Он встал, но попросил г-на Г. быть рядом и поддерживать его, если он вдруг пошатнется. Предосторожность эта оказалась излишней: Занд твердо стоял на ногах.

Когда дочитали приговор, он снова сел и громко произнес:

– В свой смертный час поручаю себя Богу...

Но г-н Г. прервал его:

– Занд, вы же обещали...

– Да, верно, – ответил он, – я совсем забыл.

Он не стал обращаться к народу, но все же, торжественно подняв правую руку, негромко, чтобы слышали только те, кто был рядом, промолвил:

– Беру Господа в свидетели, что умираю за свободу Германии.

Произнося это, он через цепь солдат бросил в толпу, точно-точно как Конрадин¹⁷ перчатку, скрученный носовой платок.

К нему приблизился палач, чтобы остричь волосы, и сначала Занд воспротивился, но г-н Видеман ему объяснил:

– Это для вашей матушки.

– Слово чести, сударь? – осведомился Занд.

– Слово чести.

– В таком случае стригите, – разрешил Занд.

Ему остригли всего несколько прядей, причем только на затылке, а остальные волосы завязали лентой на макушке. Затем палач связал ему руки на груди, но в этом положении Занду было трудно дышать, кроме того, у него заболела рана, и он невольно опустил голову; тогда ему велели положить руки на бедра и там скрепили их веревками. Когда же ему

¹⁷ *Конрадин* (1252–1268) – последний представитель династии Гогенштауфенов, сын императора Конрада IV, пытался отвоевать Неаполь у Анжуйской династии, был пленен и осужден на смерть.

стали завязывать глаза, он попросил г-на Видемана так наложить повязку, чтобы он до последнего мгновенья мог видеть свет. Эта просьба была исполнена.

В этот миг глубокая, мертвая тишина объела всю толпу, стоявшую вокруг эшафота. Палач выхватил меч, сверкнувший, как молния, и нанес удар. Чудовищный крик вырвался из двадцати тысяч грудей: голова не упала, она только склонилась на грудь, держась на недорубленном горле. Палач снова взмахнул мечом и на сей раз отрубил вместе с головой часть плеча.

В ту же секунду цепь солдат была прорвана, мужчины и женщины бросились к эшафоту и вытерли всю кровь до последней капли своими носовыми платками; скамью, на которой сидел Занд, разломали в щепки и разделили их между собой; те же, кому их не досталось, отрезали кусочки окровавленных досок эшафота.

Тело и голову казненного положили в задрапированный черным гроб и под сильным военным эскортом доставили в тюрьму. В полночь труп Занда тайно, без факелов и без свечей, перевезли на протестантское кладбище, где за год и два месяца до этого был погребен Коцебу. Тихо вырыли могилу, опустили в нее гроб, и все присутствовавшие при погребении поклялись на Евангелии не открывать места, где похоронен Занд, пока их не освободят от этой клятвы. На могилу уложили предусмотрительно снятый дерн, чтобы не было видно свежей земли, после чего ночные могильщики разо-

шлись, оставив у входа караул.

И вот так на расстоянии шагов двадцати друг от друга покоятся Занд и Коцебу. Коцебу – напротив ворот, на самом видном месте кладбища под надгробием, на котором выбита следующая надпись:

Мир безжалостно преследовал его,
клевета избрала его мишенью,
счастье он обретал лишь в объятиях жены,
а покой обрел лишь в смерти.
Зависть устилала путь его шипами,
Любовь – расцветшими розами.
Да простит его небо,
как он простил землю.

Могилу Занда надо искать напротив этого помпезного монумента, воздвигнутого, как мы уже говорили, на самом видном месте – в дальнем углу кладбища слева от ворот; над ней никакой надписи и растет только дикая слива, с которой каждый посетитель срывает на память несколько листков.

А луг, где был казнен Занд, еще и сейчас в народе называется Sand Himmelfartswiese, что переводится как *Луг, где Занд вознесся на небо*.

В конце сентября 1838 года мы были в Мангейме, куда я приехал на три дня, чтобы собрать все возможные сведения о жизни и смерти Карла Людвиг Занда. Однако и после этих трех дней сведения, собранные мною, невзирая на

всю энергичность розысков, оставались далеко не полными, то ли потому, что я обращался не к тем, к кому следовало, то ли потому, что я, как иностранец, внушал определенное недоверие людям, к которым обращался. Мангейм я покинул достаточно разочарованный и после посещения протестантского кладбища, где в двух десятках шагов друг от друга похоронены Занд и Коцебу, велел вознице ехать в Гейдельберг; проехав несколько шагов, возница, зная цель моих розысканий, сам остановил экипаж и поинтересовался, не хочу ли я посмотреть то место, где был казнен Занд. И он указал мне на невысокий пригорок на лугу в нескольких шагах от ручья. Я, разумеется, тут же выразил согласие и, хотя возница вместе с моими спутниками остался в экипаже, сам нашел это место по лежащим там на земле веткам кипариса, цветам бессмертника и незабудок.

Можно легко понять, что осмотр места казни не только не умалил, но, напротив, усилил мое желание добыть какие-нибудь сведения. Я пребывал в самом скверном настроении, оттого что уезжаю, так почти ничего и не узнав, и тут обратил вдруг внимание на человека на пятом десятке, который прогуливался неподалеку и, подозревая причину, привлекающую меня сюда, с любопытством на меня поглядывал. Я решил предпринять последнюю попытку, подошел к нему и обратился:

– Сударь, ради Бога, простите, но я иностранец, путешествую на предмет собирания богатейших поэтических тра-

диций вашей страны. По тому, как вы на меня смотрели, мне кажется, вы знали того, кто привлек меня на этот луг. Не могли бы вы мне что-нибудь рассказать о жизни и смерти Занда?

– А с какой целью, сударь? – поинтересовался на почти понятном французском мой собеседник.

– Уверяю вас, сударь, с самой что ни есть немецкой, – отвечал я. – Как ни мало я узнал про Занда, он для меня стал одной из тех теней, которые слишком значительны и поэтичны, чтобы драпировать их в запятнанный кровью саван. Но во Франции его совершенно не знают, а ведь его можно сравнить с Фиески¹⁸, и я хотел бы, насколько это в моих силах, просветить своих соотечественников.

– Я с превеликим удовольствием, сударь, поспособствовал бы вам в вашем начинании, но вся беда в том, что я едва говорю по-французски, вы же почти не говорите по-немецки, так что нам будет трудно понять друг друга.

– О, если дело только в этом, – возразил я, – то в моем экипаже сидит переводчик, верней, переводчица, которая говорит по-немецки, как Гете, и вы, надеюсь, будете довольны ею; держу пари, она поймет все, что вы скажете.

– Тогда идемте, сударь, – ответил мне мой собеседник. – Я буду очень рад, если смогу оказать вам услугу.

Мы направились к экипажу, ждавшему нас на дороге, и я

¹⁸ *Фиески, Джузеппе* (1790–1836) – заговорщик, устроивший покушение на Луи-Филиппа с помощью адской машины, осужден и казнен.

представил своей спутнице нового своего знакомого. После обычных поклонов между ними начался разговор на чистейшем саксонском диалекте¹⁹.

И хотя я ни слова не понимал из того, что говорилось, по стремительности вопросов и пространности ответов было видно, что беседа завязалась весьма интересная. Наконец, примерно через полчаса я, желая знать, до чего дошли собеседники, бросил:

– Ну и что?

– Тебе везет, – ответила моя переводчица, – ты попал в самую точку.

– Этот господин знал Занда?

– Этот господин – Г., директор тюрьмы, в которой был заключен Занд.

– Да что ты!

– Он виделся с Зандом ежедневно в течение девяти месяцев, то есть с того самого момента, как его перевели из госпиталя.

– Превосходно!

– Но это еще не все: этот господин был с ним в коляске, которая везла его на казнь, и даже поднялся с ним на эшафот. В целом Мангейме имеется единственный портрет Занда, и именно у него в доме.

Я с восторгом впивал каждое слово: алхимик мысли, я открыл тигель и обнаружил в нем золото.

¹⁹ То есть на литературном немецком языке. (Примеч. автора.)

– Спроси у него, – живо попросил я, – не будет ли он против, если мы запишем то, что он нам расскажет.

Переводчица задала ему этот вопрос и сообщила мне:

– Он согласен.

Г-н Г. сел к нам в коляску, и, вместо того чтобы отправиться в Гейдельберг, мы возвратились в Мангейм и вышли у тюрьмы.

Г-н. Г. был сама любезность. С величайшей предупредительностью, с бесконечным терпением он вспоминал всевозможные подробности, став для меня чем-то наподобие чичероне, а когда он исчерпал все воспоминания о Занде, я спросил, как происходила казнь.

– Если желаете, – сказал он, – могу вам дать рекомендацию к человеку, живущему в Гейдельберге, который сообщит вам на этот счет самые полные сведения.

Я с благодарностью согласился, и при прощании г-н Г. вручил мне письмо. Адрес был следующий:

«Г-ну доктору Видеману, Гейдельберг, Большая улица, № 111».

Я поинтересовался:

– Это случайно не родственник палача, который казнил Занда?

– Его сын, и он был рядом с ним, когда упала голова Занда.

– А каков род его занятий?

– Тот же, что у отца, он унаследовал его должность.

– Но вы же называете его доктором?

– Естественно, у нас палач имеет это звание.

– И чего же он доктор?

– Доктор хирургии.

– А вот у нас, – заметил я, – совсем наоборот: у нас врачей называют палачами.

– Вы найдете благовоспитанного молодого человека, – предупредил г-н Г., – который, хоть и был тогда в весьма юном возрасте, сохранил глубокое впечатление об этом событии. Что же касается его отца, убежден, он с радостью дал бы отрубить себе руку, лишь бы не участвовать в казни Занда, и отказался бы, если бы нашли кого-нибудь другого. Но ему пришлось делать то, что он обязан, и он постарался это сделать как можно лучше.

Я поблагодарил г-на Г., твердо решив воспользоваться его рекомендательным письмом, и мы покатали в Гейдельберг, куда прибыли в одиннадцать вечера.

На следующий день я первым делом нанес визит г-ну доктору Видеману.

Не без некоторого волнения, которое, как я заметил, отражалось и на лицах моих спутников, мы звонили в дверь судьи последней инстанции, как называют в Германии палачей. Нам открыла старуха; она провела нас, чтобы мы подождали г-на Видемана, который кончал одеваться, в прелестный рабочий кабинет, расположенный слева по коридору у самой лестницы. В кабинете было множество всевозможных диковин: кораллов, раковин, чучел птиц и засушенных рас-

тений; двуствольное ружье, пороховница и ягдташ говорили о том, что г-н Видеман увлекается охотой.

Вскоре мы слышали звук шагов, и дверь отворилась.

Г-н Видеман оказался молодым человеком лет тридцати – тридцати двух, весьма приятной наружности, с черными бакенбардами на мужественном и энергичном лице; на нем был утренний костюм, отличавшийся определенной деревенской изысканностью.

Было заметно, что он не только смущен, но и несколько раздосадован нашим визитом. Действительно, бесцельное любопытство, объектом которого, как ему казалось, он стал, вполне могло выглядеть странным. Но я поспешил вручить ему письмо г-на Г. и объяснил причину, приведшую меня к нему. Постепенно расположение духа его переменилось, и в конце концов он стал столь же гостеприимен и любезен, как тот, кто направил нас к нему.

Г-н Видеман оживил свою память; он тоже сохранил воспоминания о Занде и среди прочего сообщил нам, что его отец, рискуя навлечь на себя неприятности, попросил дозволения на собственный счет построить новый эшафот, чтобы никакой другой преступник не был казнен на алтаре, где пролилась кровь мученика. Такое дозволение было ему дано, и г-н Видеман велел сделать из того эшафота двери и окна в своем сельском домике, стоящем среди виноградника. В продолжение четырех лет этот домик являлся предметом паломничества, но постепенно посетителей становилось

все меньше; многие из тех, кто омочил свой платок в крови, стекавшей с эшафота, занимают теперь государственные должности, находятся на жалованье у правительства, и нынче только иностранцы время от времени просят разрешить им увидеть эту реликвию.

Г-н Видеман дал мне проводника, так как я тоже захотел взглянуть на нее.

Дом находится в полулье от Гейдельберга по левую руку от дороги на Карлсруэ, на полпути к горе. Пожалуй, это единственный памятник такого рода на свете.

Наши читатели по одной этой истории гораздо лучше, чем по всему, что мы еще могли бы рассказать, имеют возможность представить, каков был человек, оставивший такую память о себе в сердцах тюремщика и палача.